

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 17, Is. 4, pp. 646–677, 2025
DOI: 10.22162/2500-1523-2025-4-646-677

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ
(Монгол судлал)
(Mongolian Studies)
ISSN 2500-1523 (Print)
ISSN 2712-8059 (Online)

ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 575.174

UDC 575.174

**Олёт, тёлёс, зюн-гар:
к истории и корреляции этнонимов**

Санал Владимирович Джагрунов¹

**Olot, Tölös, Züün-gar: Some Re-
marks on the History and Corre-
lation of the Ethnonyms**

Sanal V. Dzhagrunov¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8,
ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста,
Российская Федерация)

младший научный сотрудник

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS
(8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian
Federation)

Junior Research Associate

0009-0002-8512-053X. E-mail: sanal.dzhagrunov[at]gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2025

© Джагрунов С. В., 2025

© KalmSC RAS, 2025

© Dzhagrunov S. V., 2025

Аннотация. Введение. Вопросы этнонимии видятся непосредственно связанными с таковыми в плоскости этнической истории, и разбор первых в условиях скучности и частой противоречивости исторических сообщений может служить большим подспорьем при реконструкции возможных путей ойратского этно- и политогенеза. Целью настоящей статьи является рассмотрение вопроса о соотнесении этнонимов *олёт*, *тёлёс* и *зюн-гар*, а также формулирование их возможной этимологизации в ойратской среде для более ясного понимания сущности феномена ойратства как такового. Материалы и методы. С опорой на междисциплинарный подход рассматриваются доступные данные историографии, популяционной генетики, этнографии и ономастики для формулирования соответствующих выводов и гипотез. Результаты. Рассматривая цоросов как «молодую» ветвь внутри дербетов в форме поздней военно-административной «надстройки» по данным генетики, автор заключает о возможности соотнесения в рамках этногенетического мифа монголов (при дихотомии «чинос – марал») *олёт* / *элёт* / *элют* и *зюн-гар* с некой третьей группой, связанной с «оленным» компонентом мифа на уровне этнографии и этнонимии. Сочетание соответствующих признаков — этноним (*т-* / *д-*)*өөлөө* и реминисценции оленногоtotема — среди исторически связанных с ойратами народов находим у киргизов и бурят в подразделениях *бугу*, *багыш* (*сары багыш*), собственно *дёёлёс* (*тёёлёс*) — и потенциально *сэгэнут* соответственно. Дальнейшее рассмотрение дёёлёс-оленных параллелей с привлечением этнографического материала по алтайским тюркам приводит к формулированию версии о происхождении этнонимов *бурут* / *бурат* от *bura* ~ *buγra* в реконструируемом значении

‘олень; лось’. Связь джунгаров-чоросов с именем олёт и собственно тёёлёсами обнаруживается, по данным историографии, скорее в политической плоскости, а сама канва противостояния «ойратского киргиза» Угэчи Хашаги и черос-багатуда Батулы с их партиями видится таким образом внутриойратской борьбой за гегемонию, результатом которой и стал исход олётов. При этом на этнографическом материале киргизских тёёлёсов и дёёлёсов делается вывод о возможности возвращения элитарной части исшедших олётов в ойратскую среду. Форма же «зюн-гар» видится в итоге монгольской калькой с тюркского толис, служившего обозначением восточной части тюркских военно-политических образований эпохи раннего и высокого средневековья. *Выводы.* По итогам рассмотрения вопроса о корреляции трех этнонимов — олёт / элем / зюют, тёёлес и зюн-гар — сформулирован (в том числе с привлечением данных генетики) ряд попутных выводов о возможной судьбе собственно олётов / элемов / зюютов калмыцких летописей; вскрываются потенциальные связующие звенья между нынешними ойратами (калмыками), киргизами и бурятами в части этно- и политогенеза; предпринята попытка этимологизации этнонаима *бурут* (*бурам*) с привлечением данных по этнографии алтайских тюрок; выдвигается гипотеза о племенной идентичности «ойратского киргиза» Угэчи Хашаги.

Ключевые слова: олёт, тёёлес, зюн-гар, ойраты, киргизы, буряты, бурут, черосы, багатуды, бугу, сары багыш, сэгэнтут

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Универсалии и специфика традиций монголоязычных народов сквозь призму кросс-культурных контактов и системы взаимоотношений России, Монголии и Китая» (номер госрегистрации: 123021300198-4). Автор благодарит А. А. Булуктаева за проведение генетических анализов, опубликованные результаты которых использованы в данной статье. Отдельные слова благодарности выражаются дирекции КалмНЦ РАН в лице В. В. Кукановой, Э. П. Бакаевой и др., благодаря систематическим организационным усилиям которых этноисторические изыскания сотрудников института могут дополняться и уточняться современным естественнонаучным инструментарием.

Для цитирования: Джагрунов С. В. Олёт, тёёлес, зюн-гар: к истории и корреляции этнонимов // Монголоведение. 2025. Т. 17. № 4. С. 646–677. DOI: 10.22162/2500-1523-2025-4-646-677

Abstract. *Introduction.* Issues of ethnonymy seem directly connected with those of ethnic history, and some insights into the former — given that historical messages be scarce and even contradictory — may be instrumental in reconstructing paths of Oirat ethnic and political geneses. *Goals.* The article attempts a correlation between the ethnonyms *Olot*, *Tölös* and *Züün-gar* (Dzungar), and articulates their potential etymologies in Oirat-related discourse for a deeper understanding of the Oirat phenomenon as such. *Materials and methods.* The work employs an interdisciplinary approach to examine data of historiography, population genetics, ethnography and onomastics for certain conclusions and hypotheses. *Results.* Since the Tsoros genetically prove a ‘younger’ branch of the Dorbet acting as recent ‘superstructure’ of military and administrative elites, the paper suggests the components *Olot* / *Eleuth* and *Züün-gar* may be correlated to some third group within the Mongol ethnogenic myth (as part of the “Chinos-Maral” dichotomy) with ‘deer’ reminiscences in terms of ethnography and ethnonymy. As for groups historically tied to the Oirat, the required combination of specified aspects — ethnonym (*T/-D-öölöd*) and deer-related totemic vestiges — have been found in the Kyrgyz and the Buryat in their subdivisions referred to as *Bugu*, *Bagysh* (*Sary Bagysh*), *Döölös* (*Töölös*) proper — and *Segemut*, respectively. Further insights into the Döölös-deer parallels with

additions of ethnographic messages on Altaian Turks make it possible to hypothesize that the ethnonym *Burut/Burat* be derived from *bura ~ buyra* with a reconstructed meaning ‘deer; moose’. Historically, the Choros-Dzungar prove connected with the name *Olot* and the *Töölös* rather in the field of politics, and the rivalry between ‘Oirat Kyrgyz’ Ugechi Khashiga and Choros Bayatud Batula supported by their groups can thus be viewed as internal Oirat struggle for hegemony that ended in the Olot exodus. Meanwhile, on the basis of legends recorded among the Kyrgyz Döölös and Töölös the paper suggests the Olot elites may have been returned to the Oirat pool. As for the form “züün-gar”, it is supposed to be a Mongolian calque for the Tukic *tolis*, i.e. the term that denoted eastern parts of Early and Upper Medieval Turkic military and political alliances. *Conclusions.* The attempted correlation between the three specified ethnonyms articulates (including with genetic data) a number of conclusions on the potential fate of the Olot mentioned in Kalmyk chronicles; reveals some supposed links between present-day Oirats (Kalmyks), Kyrgyzes and Buryats in terms of ethnic and political geneses; sets forth an etymology of the ethnonym *Burut (Burat)* with reference to ethnographic messages on Altaian Turks; hypothesizes as to the tribal identity of the ‘Oirat Kyrgyz’ Ugechi Khashiga.

Keywords: Olot, Tölös, Züün-gar, Dzungar, Oirat, Kyrgyz, Buryat, Burut, Choros, Bayatud, Bugu, Sary Bagysh, Segenut

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 123021300198-4 ‘Universals and Specifics in Traditions of the Mongolian-Speaking Peoples through the Prism of Cross-Cultural Contacts and the System of Relations between Russia, Mongolia and China’. The author expresses gratitude to A. A. Buluktaev for conducting the genetic analyses, the published results of which are used in this article. Words of particular gratitude be expressed to the Directorate of the KalmSC RAS represented by V. V. Kukanova, E. P. Bakaeva and others whose systemic organizing efforts have made it possible to supplement and precise ethnohistorical research efforts of affiliated employees with natural-science tools.

For citation: Dzhagrunov S. V. Olot, Tölös, Züün-gar: Some Remarks on the History and Correlation of the Ethnonyms. *Mongolian Studies (Elista)*. 2025. Vol. 17. Is. 4. Pp. 646–677. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2025-4-646-677

1. Введение

Настоящая работа продолжает изучение вопросов ойратского (калмыцкого) этногенеза в междисциплинарном ключе, в том числе с привлечением данных популяционной генетики (субклады мужской половой хромосомы в разрезе родов калмыков, а также опубликованные данные по ряду смежных популяций) для уточнения доступных — нередко скучных и противоречивых — исторических сведений касательно ойратов как таковых и естественнонаучного обоснования формулируемых выводов.

В данной статье мы обратимся к происхождению этнонима *олёт / элем / элют*, зачастую служившего для обозначения населения Джунгарского ханства вообще и его ойратской составляющей в частности (см., например: [Бичурин 1834: 137; Позднеев 1880: 134–137]) (позднее, особенно в цинских источниках, термин выступает уже как синоним собственно имени «ойрат» [Письменные памятники 2016: 226]), предпримем попытку его лингвистической и исторической реконструкции с привлечением разносторонних материалов по связанным с ойратством тюрко-монгольским народам, чтобы в итоге дать обоснование авторской гипотезы о корреляции трех этнонимов (и не только) — *олёт / элем / элют, тёлёс и зюн-гар*.

Актуальность данному исследованию в числе прочего придают сообщения как калмыцких, так и монгольских летописей о достаточно драматическом эпизоде ойратской истории (а равно этно- и политогенеза), связанном с поспешным и, возможно, безвозвратным исходом собственно олётов / элетов / элютов «по возмущению диявола, именуемого шара шулму» [Лунный свет 2003: 84].

2. Материалы и методы

Для целей исследования настоящая работа будет обращаться к публикациям таких классических текстов, как «Сокровенное сказание монголов» [Козин 1941], «Сборник летописей» Рашид ад-Дина [Рашид ад-Дин 1952а; Рашид ад-Дин 1952б; Рашид ад-Дин 1960], «Алтан тобчи» Лубсан Данзана [Алтан тобчи 1973], «Эрдэнийн тобчи» Саган Сэцэна [Geschichte der Ost-Mongolen 1829], а также к работам П. Б. Коновалова и Д. В. Цыбикдоржиева [Коновалов, Цыбикдоржиев 2017], В. П. Санчирова [Санчиров 1990], Л. П. Потапова [Потапов 1935; Потапов 1966; и др.], Н. В. Екеева [Екеев 2011], Б. З. Нанзатова и В. В. Тишина [Нанзатов, Тишин 2025; Нанзатов 2016; Нанзатов 2020], К. И. Петрова [Петров 1961; Петров 1963], С. М. Абрамзона [Абрамзон 1960; Абрамзон 1966; Абрамзон 1990], Р. А. Абдуманапова [Абдуманапов 2017], Т. О. Бейшеналиева [Бейшеналиев 1990] и других.

Методология исследования представлена междисциплинарным подходом, с применением техник системного анализа, сравнительно-сопоставительного метода, а также метода исторической реконструкции.

3. Олёты, телёсы, зюн-гары: начала, итог и «утерянные» звенья

3.1. Приступая к исследованию

Предваряя дальнейший ход рассуждений, необходимо — вслед за К. Этвудом [Atwood 2004: 420] и Г. Серрайсом — обозначить, что практически на всем протяжении своей истории «ойраты, как и прочие монгольские группы, представляли собой энную совокупность осколков огромного числа племен и родов, причем ведущие племена не всегда оставались таковыми, как не всегда число их составляло четыре» [Serruys 1965: 225].

Так, продолжая мысль Г. О. Авляева о многоуровневости калмыцкой идентичности [Авляев 2002: 48] (причем каждый такой аспект актуализируется ситуативным контекстом коммуникации), выразить этот принцип можно, например, следующим образом: нет ойратов вообще — есть ойраты Монголии, ойраты Китая, сарт-калмыки Кыргызстана, калмыки Волго-Донского междуречья России, а также ойроты-алтайцы; нет калмыков вообще — есть торгуты, дербеты, хоштуы, бузавы; нет торгутов вообще — есть керяды, эркетены, цаатаны, багуты, цохоры; нет цохоров вообще — есть ики-цихоры и бага-цихоры; нет ики-цихоров вообще — есть цатхалы, тохан-кесеки, эмчин-шабинеры, ачинеры и др.; нет цатхалов вообще — есть зооцнр, ганганр, кюрюнгюд, боорцхуд и др.

Оригинальные данные КалмНЦ РАН (в стадии обработки) показывают, что на общность происхождения по мужской линии могут претендовать в лучшем случае субъекты последнего уровня — арваны и / или хотоны, — что, безусловно, не исключает родства как такового в силу преимущественно внутрипопуляционных матrimониальных связей и, соответственно, заведомой однородности этноса при его небольшой численности, что подтверждается фиксируемой высо-

кой степенью сохранности условно азиатского компонента при полногеномных исследованиях [Балановская и др. 2022: 24]. Внимательное же обращение к историческим данным показывает, что этот «замес» мог произойти задолго до прихода предков калмыков в пределы Юга России — в ходе активных взаимодействий ойратов в эпоху Чингис-хана, а также (их предполагаемых предков) в предшествующие и (потомков) последующие периоды. Немало тайн, очевидно, хранит и поздний период этнической истории калмыков, особенно после исхода 1771 г., с его перераспределениями оставшихся улусов и аймаков, перемещениями последних и их подразделений внутри и между улусами, переименованиями, дроблениями и т. п. Так, на необоснованность применения метода «перевернутой пирамиды» к вопросам этнического состава в исторической перспективе правомерно указывает А. В. Цюрюмов [Цюрюмов 2007: 67].

Аналогичным образом, в перспективе даже 500–600 лет нельзя говорить и об этнической однородности сообществ тюрко-монгольских кочевников как таковых. В составе киргизов К. И. Петров выделял — кроме собственно «киргизского» — ряд этнотERRиториальных компонентов, как-то: кимако-кипчакский, баргутский, ойратский и др. [Петров 1963]. Также и автор настоящей работы склонен выделять в ойрат-калмыцком пule (в том числе с учетом современных данных генетики) — кроме собственно «ойратского» — компоненты баргутские, урянхайские, меркитские, керейтские и др. Однако даже базовые компоненты берутся тут в кавычки, так как не гарантируется ни их изначальная однородность, ни неизменность в ходе разворачивания этногенеза во времени и пространстве, ни безошибочность доступных данных историо- и этнографии, ни непрерывность этнокультурной преемственности, особенно в турбулентные периоды истории.

При этом необходимо учитывать, что расчетные возрасты мужских предковых линий калмыков для наиболее крупных кластеров (R2-M479, C-M48>SK1066, F1067 и др.), совокупно покрывающих до трех четвертей протестированных мужчин-калмыков, составляют максимум немногим более 1 тыс. лет: так, TMRCA для Y-субклада C-SK1066 (при значениях по STR-маркерам DYS19=16-17 и DYS385=12-12), широко представленного практически во всех субэтносах калмыков (и не только) на уровне от 40 до 50 %, составляет всего лишь 1,1 тыс. лет, т. е. *предок-основатель всей этой многочисленной линии* (по итогам расчетов на основании данных протестированных носителей) родился и жил *около конца IX – первой половины X в. н. э.* [YFull: C-F6193 (SK1066)]. Соответствующие расчеты для имеющихся образцов «ойратской» R2-M479 и «цоросовской» C-F1067 и вовсе чуть не вдвое меньше.

Соответственно, с учетом совокупности вышеизложенного, настоящая и смежные работы автора — с применением междисциплинарного подхода и привлечением разносторонних доступных материалов — представляют собой попытку реконструкции *возможного* исторического пути прежде всего элитарных и околоэлитарных линий-групп как наиболее вероятных носителей этнокультурных констант, идентичности и самого имени *ойрат*, причем, как будет показано, далеко не все их потомки остались в лоне собственно ойратства, однако сохранили реминисценции былых связей в своей культурной традиции.

3.2. Ушли и — остались?

Большинство доступных хроник включают олётов в состав приводимых номенклатур ойратских групп. В свете же упоминавшейся выше тенденции к

отождествлению имен *олёт / элем / элют* и *зюнгар / джунгар* особый интерес вызывает вывод В. П. Санчирова о том, что дербеты и джунгары (зюнгары) «*и есть потомки древних ойратов*», поделенные между сыновьями Эсена-тайши после его гибели на две указанные группы [Санчиров 1990: 56–57]. В более поздней работе этот же исследователь заключает, что дербеты и джунгары образовались в результате разделения в первой половине XVII в. оставшейся на родине части «*родоплеменного подразделения*» элётов [Письменные памятники 2016: 228], констатируя при этом, что происхождение самого этнонима «*в современном монголоведении до сих пор остается неизвестным*» [Письменные памятники 2016: 226]. Озвучивались и другие мнения: по мнению Г. Серрайса, олёты (*Ögeled, Eleuth*) и джунгары (*Jungyar*) являлись двумя отдельными друг от друга ойратскими племенными подразделениями, чьи имена в дальнейшем стали служить обозначениями для «*всей ойратской группы*» [Serruys 1965: 225].

Тут подчеркнем, что постулат о «потомках древних ойратов» характеризует, скорее, ранний этап ойратского этногенеза и не отказывает в ойратской идентичности (и ойратском прошлом) прочим группам (см., например, [Кукеев 2008]), хотя имплицитно актуализирует вопрос о сущности ойратства как такового и раскрывает его как динамический и полистадиальный этнополитический феномен. Последний в силу структурной сложности и известной запутанности будет рассмотрен в отдельной работе.

В этой связи встает вопрос: почему, а главное зачем — при устойчивых сообщениях о безвозвратном исходе олётов («*Огулэт, ставший теперь народом под именем Сархис*» [Шара туджи 1957: 159; Желтая история 2017: 216]) — таковыми могли называть (называться) тех (те), которые в итоге от ойратов как будто никуда и не уходили, а, напротив, создали Джунгарское ханство — «*последнюю кочевую империю*» [Бобров 2019: 445] на степных просторах Евразии? Для ответа на него придется обратиться к истокам этнополитической традиции монголов в целом, привлечь материалы по смежным ойратам популяциям, а также прояснить соотношение имен *олёт / элем / элют, зюнгар / джунгар, дербет* и *чорос / цорос*. Начнем с конца.

3.3. Чоросы — элита позднего периода

При декларировании общности происхождения дербетов и джунгаров (зюнгаров) калмыцкими источниками [Лунный свет 2003: 89, 133–134] Батур-Убаши Тюмень уточняет, что «имеют одно происхождение» именно дербетские и зюнгарские *нойоны* (аристократия) — из «Цоросского дома» [Лунный свет 2003: 89, 133–134]. Данный постулат нашел свое подтверждение по итогам исследования субкладов мужской половой хромосомы в разрезе родов калмыков на базе Калмыцкого научного центра РАН: на обширном материале было окончательно установлено, что субклад C-F1067 со специфическим значением по STR-локусу DYS385=11-11 (предварительно отождествляемый с SNP C-F9733 > C-F8536 с TMRCA в 500 лет [YFull: C-F1067]) маркирует представителей именно цоросской аристократии [Джагрунов, Булуктаев 2024а: 843] в калмыцких образцах как дербетов, так и зюнгаров [Джагрунов, Булуктаев 2024б: 1084–1085].

Дальнейший анализ генетических, этнографических и лингвистических данных показал тесную связь цоросов / черосов (и структурных подразделений ойратов XV в. вообще) с именами потомков легендарного Барга-Батора бурятских этногенетических нарративов [Джагрунов 2025]. Полагаем, что специальное

рассмотрение мифов о происхождении отдельных калмыцких (ойратских) и бурятских родов и племен может выявить дополнительные типологические сходства и параллели, которые расширят нынешнее понимание вопросов этногенеза ряда популяций Центральной и Внутренней Азии.

По итогам рассмотрения «ойратского» («монгольского») субклада R2a-M124 у калмыков была сформулирована и обоснована гипотеза о том, что в прошлом ее носители — отмеченные столь претенциозными родовыми именами, как *таячуд, сяядюд, хаануд, хаиханер*, а главное *чонос* — могли претендовать на происхождение от аристократии средневековых ойратов-хойтов, а через них — от легендарного предка монголов и ойратов «благородного волка» Бортэ-Чино [Джагрунов и др. 2023: 837]. Далее по итогам тестирования было установлено, что дербеты-зюны в своей структуре практически свободны от присутствия «цоросовского» субклада C-F1067 при преимущественной фиксации R2a-M124 именно в данной группе, а это, вкупе с историческими и вышеозначенными этнографическими данными, указало на возможность отождествления их с собственно средневековым компонентом *дорбен* [Джагрунов, Булуктаев 2024а: 840], т. е. зюны, вероятно, и «передали» свое имя всей группе дербетов Волго-Донского междуречья. В связи с изложенным не исключаем возможности отождествления слова *зюн* как обозначения условно привилегированной родовой ассоциации дербетов Юга России в составе предполагаемого потомства древней ойратской аристократии — с термином *цзун*, распространявшимся в Джунгарском ханстве на младших родственников владетельных тайшей «по мужской линии» [Кычанов 1997: 243].

3.4. Волки-дорбены...

Относительно дербетов в целом цоросы как обширная, но «молодая» ветвь, отмеченная преимущественными властными полномочиями, видятся поздним структурным элементом — «надстройкой» — сводимым к военно-административной элите первых на поздних этапах существования группы. Соответственно, встает вопрос: не могли ли цоросы выступать в аналогичной роли — к некой третьей группе, прежде условно однородной (насколько это вообще возможно для кочевых сообществ) и явившейся носителем собственно имен *джунгар* / *зюнгар* и / или *олёт* / *элёт* / *элют*?

Первый вывод косвенно подтверждается тем, что SNP C-F9733 (>C-F8536) с «цоросским» DYS385=11-11 является ответвлением от C-F10378 (TMRCA = 1 000 лет), как и «бурятский» кластер C-Z4328 (TMRCA = 950 лет) [YFull: C-F1067]. Вероятно, на «энном» этапе внутри ойратского «союза» военно-политическое преимущество перешло к «баргутской» группировке, в результате чего власть по итогам борьбы оказалась в руках одного из кланов Баргуджин-Токума, откуда исторически и происходили ойраты эпохи Чингис-хана [Рашид ад-Дин 1952а: 118–121].

Забегая вперед, отметим, что по рассмотрении исторических, этнографических, оригинальных (КалмНЦ РАН) и опубликованных генетических данных по субкладам Y-хромосомы популяций Евразии в целом и потомков тюрко-монгольских кочевников в частности, при определении термина *ойрат* автор склонен следовать парадигме, озвученной в числе прочих К. И. Петровым, который выводил ойратов из «конгломерата монгольско-туркских племен Алтайско-Хангайского нагорья» [Петров 1961: 150]. Вместе с тем, очевидно, что на разных этапах эт-

ническое наполнение термина могло — и должно было — варьироваться, хотя сама общность развивалась на основе предыдущего субстрата, сохраняя при этом базовые культурно-исторические константы.

Вспомним, что, согласно этногеническому мифу монголов, их родоначальниками выступили Борте-Чино и Гоа-Марал, одиннадцатое колено потомков по мужской линии которых было представлено братьями Дува-Сохором и Добун-Мерганом [Козин 1941: 79]. Четверо сыновей старшего брата после смерти отца, откочевав, образовали «поколение Дорбен», откуда «и пошло четвероплеменение Дорбен-ирген» [Козин 1941: 80], причем этих же сыновей Дува-Сохора монгольский летописец Саган Сэцэн называет родоначальниками конкретных ойратских племен [*Geschichte der Ost-Mongolen* 1829: 57]. «Шара туджи» в этом отношении лаконична: называя ойратов потомками Дува-Сохора, она не уточняет деталей означенной родственной преемственности [Желтая история 2017: 106], хотя сообщает, что хойтские нойоны суть потомки сыновей Худуха-беки Инальчи и Торельчи [Желтая история 2017: 106]. Сам же Худуха-беки характеризуется Рашид ад-Дином как «царь ойратов, [из] племени дурбан» [Рашид ад-Дин 1952а: 138].

Таким образом, по имеющимся источникам связь между ойратами (дорбен-ойратами) и правящим домом монголов эпохи Чингис-хана обнаруживается именно и единственно — через компонент «дорбен». В этой связи заключаем, что и «поколение Дорбен», и «четвероплеменение Дорбен» из «Сокровенного сказания» должны бы быть тождественны дурбанам нирун-монголов из труда Рашид ад-Дина [Рашид ад-Дин 1952а: 187], хотя в отношении последних (и не только) выдающийся персидский историограф допускает серьезную путаницу: называя «нирунами» только «те племена, которые произошли из рода Алан-Гоа после кончины ее мужа, Добун-Баяна», т. е. тех, кто принадлежит к роду трех ее младших (даже не двух старших собственно сыновей Добун-Баяна из рода Борте-Чино и Алан-Гоа же!) сыновей [Рашид ад-Дин 1952а: 152; Рашид ад-Дин 1952б: 11], он причисляет дурбанов к нирунам, но возводит их происхождение к Тамач-хану — внуку Бургэчинэ [Рашид ад-Дин 1952б: 9–10]. В этом смысле повествование «Сокровенного сказания» о преемстве поколений и племен монголов и последовательнее, и четче, и, очевидно, надежнее. Важен тут и культурно-исторический контекст: в степи необоснованное присвоение родового имени — тем более сакрального чинос или околопривилегированного дорбен — невозможно по определению, а, значит, таковые основания у ойратов имелись.

Далее, логично ожидать преемство, если не ситуативное тождество (наблюдается у исследованных калмыков-дербетов чиносовских родов), этнонимов чинос / чинос и дорбен. В пользу этого говорит и вывод Л. Л. Викторовой: «Прямые потомки Бортэ-Чино, т. е. линия, связанная генетически с древними тюрками, в начале X в. отделяются и откочевывают вместе с подчиненными им родами, образуя конфедерацию из четырех (дорбэн) племен, куда входили и Чиносы» [Викторова 1980: 162]. Характерно, что дербеты (дурбат) фиксировались вместе с чиносами (нукуз) в военно-административных объединениях тюрко-монголов и в более позднее время [Абдуманапов, Сабитов 2024: 470–471].

В целом соглашаясь с заключением Б. Я. Владимирцова о том, что «бесконечные междоусобные войны» после падения Юань — в том числе в виде противостояния ойратов и восточных монголов — были по сути борьбой «между

феодалами-царевичами дома Чингиса и феодалами мелкими, вышедшими из родов монгольской степной аристократии» [Владимирцов 2002: 441], склонны видеть причиной того, что центром притяжения античингисидских сил стали собственно ойраты, именно тезис об их происхождении (некой их элитарной части) от *старшего* брата, каковой давал им (и причислявшим себя к ним) моральное право на сопротивление властным амбициям представителей «золотого рода».

3.5. ...и маралы-олёты?

Возвращаясь к вопросу о «третьей» группе, заключаем, что при возможности соотнесения ойрат-дербет-чоносов с линией Борте-Чино > Дува-Сохора в лице чинос-дорбенов «Сокровенного сказания», зюнгар / джунгар-олёты / элюты могут быть гипотетически соотнесены со вторым компонентом указанной пары прародителей — Гоа-Марал ('Беловато-желтоватая лань' [Зориктуев 2010: 139]).

В одной из предыдущих работ автором уже выдвигалась гипотеза о возможном этноисторическом преемстве между дербетами-бухусами и средневековыми бугу (*пугу*) (др.-турк. *biyu* ‘олень’ [ДТС 1969: 120]), причем внимательное рассмотрение совокупности данных этнографии, ономастики и генетики позволило предпринять попытку реконструкции от *оон* (боевой клич чоносов, калм. ‘самец антилопы’) и *хо оон* (арван *хоонуд* в составе дербетов-бухусов) — через *хо бухус* / (*хо*) бугу — к *хо марал* (Гоа-Марал из «Сокровенного сказания») [Джагрунов 2024: 1554–1557].

Обращение к токуз-огузскому племени бугу (*пугу*), занимавшему одну из ведущих позиций в структуре Уйгурского каганата (744–840 гг.), — в том числе выступая в качестве брачных партнеров правящей династии [Камалов 2001: 31, 86, 111] — в контексте этногенеза монголов может видеться несколько неуместным. Однако тут можно отметить, что Г. Й. Рамстедт посредством фонетической реконструкции возводил слово «ойрат» к этониму «огуз» [Раднаев 2012: 230], а И. Я. Селютина на инструментальных данных констатирует: тип консонантных систем с тройной оппозицией по степени напряженности в халха-монгольском и калмыцком, тувинском и тофском (~ тофаларском) языках «может рассматриваться как рефлюкс пратюркского состояния» [Селютина 2020: 34].

Гибель же государства токуз-огузов не означала исчезновения на заданной территории всего ее народа: в 842 г. уйгуры разгромили киданей, что вынудило их принять подданство Тан [Материалы по истории 1984: 170], а в 908 и 918 гг. «уйгуры, оставшиеся на территории Монголии, <...> присыпали послов ко двору киданьского императора» Елюй Амбагяня (Абаоцзи, 872–926 гг.), который, совершая туда походы в 916 и 924 гг., «вступил в область уйгуров» [Бутанаев, Худяков 2000: 82]. Он же в 912 г. ходил карательным походом на племена чжсу бугу «и покорил [их]» [История Железной империи 2007: 48, 140]. В отношении русского перевода указанного отрывка («которые жили, не обращая [на него] внимания»), считаем его избыточным и лишающим описываемые события предметного наполнения, полагая, что, с учетом исторического контекста, чжсу бугу вернее было бы переводить как ‘оставшиеся в живых бугу’.

Из уйгурского рода Сяо происходила и жена Абаоцзи — впоследствии вдовствующая императрица — Шулуй Пин (Юэлидо, 878–953 гг.), отца которой звали мэйли *Погу* Юэвань [Е Лун-ли 1979: 465]. При этом мать Шулуй Пин была дочерью князя Юньдэцзя (与德恕) [Е Лун-ли 1979: 465] из киданьского рода

Яонянь [Cooke Johnson 2011: 122], личное имя которого созвучно имени Елюя Юньдэши (允德實), приходившегося дедом по мужской линии самому Абаоцзи [Liao Shi]. Из Сяо же происходила и мать Абаоцзи [Liao Shi]. Таким образом, данные о предках Абаоцзи и Шулой указывают на то, что военно-политическое взаимодействие возглавлявшихся их семьями групп началось еще до рождения этих исторических фигур, т. е. не позднее начала 870-х гг., окончательно оформившись в коалицию с заключением их брака не позднее 907 г. [Cooke Johnson 2011: 123]. В эпоху династии Тан (618–907 гг.) кидани периодически выступали вассалами уйголов, причем последние, даже утратив собственное государство, играли важную роль в культурном и политическом становлении киданей [Mote 2000: 35].

О «забытом аймаке Пугу» пишет и монгольский археолог Б. Г. Батболд [Батболд 2017]. В имени отца Шулой Погу Мэйли (婆姑梅里) он различает тюркскую титулатуру, соотнося лексему *мэйли* с тюрко-уйгурским *буйрук* (ср. др.-турк. *būjraq* ‘приказный’ [ДТС 1969: 121]), а *Погу* — с собственно уйгурским племенем *пугу* [Батболд 2017: 191], что в итоге позволяет интерпретировать это имя как «*буйрук* [племени / аймак] *Пугу*». Впрочем, *Погу* тут может быть и именем личным, но определенно указывающим на некое кровное родство с соответствующим аймаком-родом-племенем: племенное имя *Дела* в качестве личного носил один из младших братьев Абаоцзи [История Железной империи 2007: 46, 48], родовое имя вдовствующей императрицы *Шулой* — ее внук и четвертый император Ляо Му-цзун [Е Лун-ли 1979: 104], в более позднее время имя *Ойратай* носил один из сыновей ойрата Аргун-Аки [Рашид ад-Дин 1952а: 121], а также внук Ариг-Буки по линии его сына Мелик-Тимура от Буры (дочери Ширеки из рода дурбан) [Рашид ад-Дин 1960: 202], Дурбачин — «хатун из племени дурбан» и мать двух сыновей Хубилай-хана [Рашид ад-Дин 1960: 155], Урянхадай — сын Субэдай-бахадура из племени урянкат [Рашид ад-Дин 1960: 157] и др. Б. Г. Батболд отмечает, что в именах трех из пяти сыновей Алан-Гоя, потомков которых и считают «нирун-монголами» (т. е. собственно монголами), присутствует компонент «бугу» [Батболд 2017: 62].

3.6. Неожиданные параллели...

Попробуем же с учетом этногенического мифа монголов поискать среди исторически смежных с ойратами народов — хотя бы и ради сугубо исследовательского интереса — родоплеменную группу, в названии и идентичности которой нашли бы отражение лексемы *олёт* / *элёт* / *элют* и / или *зюн-гар*, а также характеризуемую реминисценциями оленногоtotема.

Однако прежде вспомним, что П. Б. Коновалов и Д. В. Цыбикдоржиев склонны отождествлять *өөлөөд* / *олёт* с *тулас* / *толёс* [Коновалов, Цыбикдоржиев 2017: 140–145], т. е. рассматривают первое имя как усеченный вариант второго. По материалу древнетюркской эпохи Ю. А. Зуев отмечает, что эвфемирование оригинального слова как результат табуирования ставшего сакральным имени totема или родоначальника шло «путем видоизменения существующего имени или его прямой замены из лексики иноязычных соседей» [Зуев 1970: 77]. Переименование усечением на одну букву при перемещении и инкорпорации родоплеменных образований в рамках новых структур и идентичностей было, вероятно, нередким явлением для ойратской этнонимии: так, Г. О. Авляев склонен отождествлять торгутов-багтов с этническими баргутами в условиях

«выпадения звука *p* в калмыцком произношении» [Авляев 2002: 53, 54, 111, 113 и т. д.]. В дальнейших работах эта тенденция будет последовательно прослежена по меньшей мере на одном историческом этнониме в ойратской среде.

Сочетание вышеозначенных этнонимических и идентичностных элементов мы находим у субэтнических подразделений киргизов — *бугу*, *багыш* (*сары багыш*) и собственно *дөөлөс* (*төөлөс*). Примечательно, что они же рассматриваются исследователями как наиболее вероятные звенья в разрезе этногенетических связей киргизов с Алтаем [Абдуманапов 2017; Жолдошов 2023; и др.].

В киргизском языке лексемы *бугу* и *багыш* служат обозначениями диких парнокопытных семейства оленевых: ‘самец оленя или марала’ [Киргизско-русский словарь 1965: 154] и ‘лось’ [Киргизско-русский словарь 1965: 92] соответственно.

Согласно генеалогическим таблицам-санжыра киргизов Северной Киргизии, Дёёлёс, сын Кылжыра и внук Тагая, указывается в качестве прародителя сары багышей [Абрамзон 1960: рис. 5]. Однако сыном Кылжыра и внуком Тагая же выступает и Ороз Бакты — прародитель племени *бугу* [Абрамзон 1960: рис. 2]. По материалам Южной Киргизии, имена Сарыбагыш и Бугу указываются в схеме сразу после Кылжыра [Винников 1956: 138]. Отдельные традиции возводили к Дёёлёсу наиболее крупные киргизские племена — *солто*, *жедигер*, *бугу* и *сары багыш* [Абдуманапов 2017: 29].

Таким образом, фиксируется связь между указанными объединениями как на уровне семантики этнонимов, так и на уровне генеалогических данных.

К. И. Петров указывал на сближение диалектов этих же племен в разрезе соответствия звука *s* звуку *z* других групп, причем тут же отмечал, что «соканье» наблюдается лишь у алтайцев [Петров 1963: 23]. Они же, наряду с группой *солто*, в составе правого крыла характеризуются указанным автором как более близкие в силу того, что выступают как «действительные» потомки Тагая, хотя их родоначальники были «усыновлены» [Петров 1963: 26]. На близость языка фольклорных материалов, зафиксированных в племени *бугу*, алтайскому языку указывает С. Аттокуров [Аттокуров 1995: 112].

По наблюдению С. М. Абрамзона, генеалогическая связь между племенами *бугу* и *сары багыш* подтверждается и данными о тамгах: древняя тамга *жагалмай* была распространена «в прошлом прежде всего среди бугинцев и сарыбагышцев» [Абрамзон 1990: 43], причем тамга эта идентична тамге исторического племени цзе-гу, «т. е. древних кыргызов» [Абрамзон 1990: 45]. Разбирая вопрос о *загалмай*, Д. С. Дугаров обращается к синкретическому образу оленя-кояня-птицы [Дугаров 1991: 61–84] и в силу обширности распространения этого слова почти у всех тюрко-монгольских народов (в разных фонетических и семантических вариантах) усматривает «глубокую древность происхождения этого термина и его важное мифологическое и магическое значение» [Дугаров 1991: 65], а сам он был заимствован монголами «у тюрок», т. е. термин и обозначаемый им мифологический образ «первоначально появились и бытовали не в монголоязычной этнической среде, а в тюркоязычной» [Дугаров 1991: 66]. При этом по заключению исследователя, для слова *загалмай* значения ‘крест, крестообразный’ и ‘кречет, хищная птица’ [ЭСМЯ 2016: 54–55], ‘кобчик’ [Киргизско-русский словарь 1965: 210; Муниев 1977: 235] развивались в синкретическом союзе со значением ‘олень’ (ср. *бура* — ниже), оформляясь в образ крылатого загал-оленя (позже загал-кояня) — транспортное животное шамана и душ почивших

в их путешествиях на небо [Дугаров 1991: 71–74]. Забегая вперед отметим, что Л. П. Потапов указывал на практику обозначения рогов рогатых животных на ритуальных предметах тюрок Алтая и объектах долины Енисея простым «пересечением линии головы двумя или одной <...> короткой чертой» [Потапов 1935: 137], т. е. все тем же «крестом».

Далее отметим, что в отоке букус Джунгарского ханства Н. А. Аристов предполагал «кыргызов нынешнего колена бугу» [Аристов 2001: 427]. О вхождении «значительного числа» киргизов в состав Джунгарского ханства пишет и современный исследователь Т. Ш. Уметбаев, причем таковое, по его мнению, «оказало позитивное влияние на формирование киргизской народности» [Уметбаев 2009: 22]. Со ссылкой на «Маджму ат-Таварих» и указанием на то, что летопись фиксирует пребывание дёёлёсов и связанных с ними племен (очевидно, в первую очередь сары багышей. — С. Д.) правого крыла в составе киргизов уже в конце XVI – начале XVII в., Р. А. Абдуманапов заключает: алтайские и киргизские тёлёсы разделились в течение XV в. при продвижении киргизских племен «на юг — в земли Восточного Туркестана и далее на Тянь-Шань» [Абдуманапов 2017: 33–34]. При этом с упоминанием все того же источника в ходе фонетической реконструкции Б. З. Нанзатов и В. В. Тишин усматривают «основания думать, что формы этнонима с начальным *d*- в кыргызской номенклатуре проникли сюда не из среды населения Саяно-Алтая, а, по всей видимости, напрямую из монголоязычных сообществ» не позднее XVI в. [Нанзатов, Тишин 2025: 188–189], причем не исключая и «калмыцкого» влияния в Восточном Туркестане, а возможное время откочевки «группы носителей имени дöйлөс на Иссык-куль» отодвигая на конец XVII в. [Нанзатов, Тишин 2025: 191]. Автор настоящей работы не склонен считать приводимые тезисы исследователей взаимоисключающими: в условиях мобильности кочевых сообществ, особенно в политически и экономически нестабильные периоды истории, примеров возвратных (если не многоократных) откочевокnomадов приграничья при их потенциальной билингвальности — даже и с временной (или постоянной) сменой зонтичной идентичности — можно найти немало.

Наконец, Т. Д. Баялиева, рассматривая пережитки тотемических представлений у киргизов, находит любопытным, что — хотя «в киргизском языке бугу — самец оленя или марала», и обычно начало рода дает мужской тотемный предок — «своей прародительницей киргизы племени бугу признавали женщину, которая считалась „дочерью оленя“, т. е. происходили „от рогатой матери“ (*мүйүздүү энеден*)» [Баялиева 1972: 12–15].

3.7. ...из общности происхождения, или вновь Баргуджин-Токум

Дальнейшее рассмотрение предмета настоящего исследования вновь неизбежно актуализирует вопрос былого пребывания — фактического или минимого — в ойратстве киргизов и бурят, на материале «Эрденийин тобчи» Саган Сэцэна поднимаемый И. Я. Шмидтом [Geschichte der Ost-Mongolen 1829: 373, 380] и далее развивающийся Д. Банзаровым [Банзаров 1955: 183].

Приведем полную цитату И. Я. Шмидта: «*Dagegen gehörten vor Alters die Kirgisen (Kergud) zu den Oiradschen Völkerschaften, und bildeten höchst wahrscheinlich mit den Burjaten und Teilengud eine Nation, wie denn jetzt noch die östlichen Kirgisen ihren alten Namen Burat bei den Kalmüken behalten haben*» — «Напротив, киргизы (кэргуды) в прежние времена принадлежали к ойратским народностям и, по всей вероятности, составляли с бурятами и теленгутами

одну нацию, покуда и поныне еще восточные киргизы величаются у калмыков своим старым именем ‘бурат’» (перевод наш. — С. Д.) [Geschichte der Ost-Mongolen 1829: 373].

Из трех указываемых этнических групп ойратская идентичность достоверно и последовательно утверждается, а равно признается лишь за теленгутами и их потомками алтайцами: «тэлэнгутский» Абдула Сэцэн указывается источниками как военачальник и верный сподвижник некогда всесильного Эсена-тайши [Шара түджи 1957: 145; Желтая история 2017: 162–163; Эрдэнийн товч 2006: 113; Geschichte der Ost-Mongolen 1829: 155], а сами алтайцы до 1948 г. официально назывались *ойротами*, т. е. ойратами (см., например: [Алтайцы 2014: 3, 56, 71; и т. д.]), каковое имя исторически не употреблялось в официальном дискурсе как самоназвание даже потомками монголоязычных ойратов в России — калмыками.

Касательно бурятско-ойратских связей Б. З. Нанзатов отмечает, что «наличие этнонима *олёт* в бурятской генеалогической традиции является свидетельством не только наличия, но и особой значимости ойратского пласта в этногенезе бурят» [Нанзатов 2016: 102], а потенциально отчасти даже якутов [Нанзатов 2020: 121–122]. К. И. Петров же констатирует, что в состав ойратов и киргизов «равным образом <...> вошло много родственных племен в процессе их распространения с начала XIII в. по всему Алтайско-Хангайскому нагорью и Восточному Тянь-Шаню» [Петров 1961: 149]. Полагаем, что имплицитно сформулированный авторами подход к настоящей проблеме и может быть ключом к ее разрешению: на определенных этапах истории в ойратстве состояли лишь отдельные — хотя, возможно, и значимые, крупные (как тогда, так и сейчас) — этнические компоненты киргизов и бурят. Взглянем поближе.

Однако прежде вновь уточним, что в настоящем исследовании ойратство эпохи Эсена-тайши и далее рассматривается скорее как полития при зонтичной «ойратской» этнической идентичности в противостоянии ее племенных лидеров — преимущественно из числа «лесных народов» — властным амбициям потомков «золотого рода», прежде всего с идеологической опорой на этнический миф монголов же имперского периода, согласно которому ойраты вели свое происхождение от *старшего брата* — Дува Сохора (А. Очир не исключает связи этнонима *өөлөд* с ойратским *elēd* ‘большой, старший, пожилой’ и древнетюркским *ölöt* ‘большой, пожилой’ [Очир 2016: 140]). Для сравнения, по заключению Ю. А. Евстигнеева термин *кипчак* на втором этапе своего бытования (в 1030–1240 гг.) служил обозначением этнически разных кочевников Дешт-и Кипчака, «среди которых совершило „потерялись“ сами кипчаки» [Евстигнеев 2012: 97–99]. Также данный подход актуализирует предложенный Д. Банзаровым вариант этимологизации формы «ойрат» как «лесной народ» [Банзаров 1955: 185–186].

По состоянию на XIII – начало XIV вв., ойраты, туласы (*төөлөс*), баргуты и хори-туматы (предки бурят) проживали в Баргуджин-Токуме и «в пределах страны киргизов», земли же теленгутов и смежных им племен находились «по ту сторону страны киргизов» [Рашид ад-Дин 1952а: 118–123]. Таким образом, фиксируется историческая близость проживания предков ойратов (калмыков, алтайцев и др.), киргизов и бурят в Западном и Южном Прибайкалье, в долинах Енисея и его притоков, а значит и неизбежная практически равная вовлеченность их (порой по разную сторону ситуативных фронтов) в непростые исторические события с начала XIII в. и далее.

Этническим же компонентом, связывающим все обозначенные И. Я. Шмидтом в ойратстве группы, а равно и собственно ойрат-олёт-джунгаров более позднего периода, выступают все те же *төөлөс*, причем на данном этапе открытым остается вопрос связей последних в отношении теленгутов (их потомков) и бурят.

Касательно теленгутов вспомним, что они дважды упоминаются в «Сокровенном сказании», причем оба раза в связи с тоолесами / *tö'ölös* (а в повествовании о Хорчи еще и с «чиносцами») [Козин 1941: 161, 175; Cleaves 1982: 147]. Связь между этими группами констатируется Л. П. Потаповым и Н. В. Екеевым, которые именно тёлэсов и теленгутов (телеутов) указывают предками современных алтайцев [Потапов 1966: 234; Екеев 2011: 30]. В связи с фиксируемой связью между формой «дөөлөс» и этнонимами, восходящими к наименованиям копытных семейства оленевых у киргизов, отметим, что в качестве родового животного алтайского сёока *тёёлөс* фиксируется марал (*сыгын*) [Деева 2018: 215].

Развивая свое исследование на бурятском фольклорном и историческом материале, П. Б. Коновалов и Д. В. Цыбикдоржиев приходят к отождествлению терминов *өөлөө* / *олёт*, *тулас* / *толёс*, *сэгэнут* и отчасти даже *зунгар* [Коновалов, Цыбикдоржиев 2017: 140–145]. С сэгэнутами (и смежными племенами), «вторым этнонимом которых сохраняется термин *олёт*», Б. З. Нанзатов связывает образ Оледая / Элюдэя / Илюдэр-мэргэна как персонифицированный этноним в ряду базовых компонент бурятского народа — в рамках соответствующего этногонического мифа о Барга-баторе и трех его сыновьях [Нанзатов 2016: 102]. Впрочем, С. Б. Болхосоев и Е. Б. Болхосоева подвергают сомнению популярную в литературе ойратскую версию происхождения сэгэгутов и полагают их «обурятившимися потомками тюркоязычной этнической группы», вышедшей из Убсунаурия в XV–XVI вв. [Болхосоев, Болхосоева 2023: 113–114]. В связи с последним сообщением и с учетом вышеозначенных тёёлөс-оленных паттернов, считаем возможным не исключать вероятности происхождения самого этого этнонаима от алтайского *сыгын* ‘марал’ [Алтайско-русский словарь 2018: 624] при добавлении монгольского форманта множественного числа *-уд*.

3.8. «Олennые» буруты

Дальнейшее рассмотрение дөөлөс-оленных параллелей актуализирует и вопрос о термине *бурут* (*бурат* у И. Я. Шмидта) [*Geschichte der Ost-Mongolen* 1829: 373], употреблявшемся ойратами для обозначения тяньшанских (и не только) киргизов. Существует ряд гипотез о его происхождении.

Так, по сообщению Г. Е. Грумм-Гржимайло, В. В. Радлов полагал возможным происхождение названия *бурут* «от *бёр* (*баур*) — имени одного из отделений рода *бугу*» [Грумм-Гржимайло 1926: 535], а сам он выводил бурутов из исторического Баргуджин-Токума, где и поныне живут буряты, усматривая в сходстве имен (со ссылкой на Д. Банзарова) возможность к восприятию прошлого населения указанной области как «баргутов-бурутов или баргу-бурутов» и, таким образом, растождествляя бурутов с собственно киргизами [Грумм-Гржимайло 1926: 537]. На наш взгляд, выдающийся путешественник-исследователь не «пытался доказать, что буруты — племя бурятского происхождения» [Абдыкалыков 1963: 124], но с опорой на указанное звучание и данные историографии скорее не исключал общности происхождения киргизов и бурят (какой-то их части), причем для предковых групп связь эта, по мнению ученого, установилась в Саянах и лишь продолжилась на Тянь-Шане [Грумм-Гржимайло 1926: 537].

А. О. Абдыкалыков, сохраняя за киргизами на Тянь-Шане их историческое имя, слово *бурут* выводит из калмыцкого (монгольского) *буруу* и — с отсылкой к сообщениям о перемежающихся подданическо-враждебных отношениях киргизов с ойратами Джунгарии — интерпретирует термин как ‘провинившиеся, изменники, иноверцы’ [Абдыкалыков 1963: 126–127]. Ю. А. Зуев уводит этимологию в область тотемизма в этнонимообразовании (в числе прочих упоминая историческое племя *бугу*) и связывает ее с культом орла у народов Саяно-Алтайского нагорья, объясняя *киргиз ~ бурут* как ‘орел’, ‘триф’ [Зуев 1970: 86]. Т. О. Байшеналиев выводит *бурут* от ойратского *бору* в значении ‘каменные (скалистые) горы’, на основании чего заключает, что «этноним дикокаменные киргизы является русским переводом термина *бурут*» [Байшеналиев 1990: 140, 142].

Означенные дөөлөс-оленевые связи позволяют нам артикулировать еще одну версию этимологизации термина *бурут*.

В своей работе (около 1931 г.) Н. П. Дыренкова рассматривает значение термина *bura ~ riurga* в связи с культом коня и оленя у алтайских тюрок [Дыренкова 2012]. Она соглашается с тем, что Н. Я. Марр в своей работе «„Лошадь“ || „птица“, тотем урарто-этруссского племени» «с несомненной очевидностью доказал семантический <...> ряд «олень – верблюд – лошадь» [Дыренкова 2012: 203]. Исследователь отмечает: «Комплексные и подчас разноречивые представления, которые связываются с ‘*bura*’ [то конь, то верблюд, то олень, то лось. — С. Д.], возможно, обусловлены тем, что эти представления отразили на себе смену хозяйственных форм у турецких народов, вытеснив в экономике одного животного другим» [Дыренкова 2012: 210]. При этом в шаманском камлании *бура* выступает как: 1) мифический невидимый небесный конь; 2) действительный реально конь, приносимый в жертву; 3) бубен, являющийся конем; 4) сам шаман, являющийся воплощением ‘*bura*’ [Дыренкова 2012: 209–210]. На примере же других народов Сибири (тунгусы, коряки, чукчи и т. д.) отмечается, что прежде место коня в указанной практике занимал олень [Дыренкова 2012: 211–212], а первоначально для обтягивания бубна, вероятно, употреблялась шкура самца оленя, марала, лося (сохатого) [Дыренкова 2012: 215].

Г. В. Ксенофонтов добавляет и уточняет: «Мать-зверь черных шаманов в большинстве случаев представляется в образе лося или дикого оленя», «Мать-зверь у большого шамана имеет вид лося, а у маленького — оленя» [Ксенофонтов 1992: 169].

Изучая следы тотемических представлений у алтайских тюрок же, Л. П. Потапов в целом повторяет выводы Н. П. Дыренковой, но вносит и ряд существенных добавлений, как-то: 1) термином *pur* → *bur* || *pul* → *bul* древнейшие наследники Алтая обозначали всех диких рогатых животных, затем этот термин перешел на хозяйственно освоенного оленя и от него позднее — на быка, верблюда, лошадь [Потапов 1935: 135–137]; 2) сам шаманский бубен в целом изображает тотема-предка [Потапов 1935: 141]; 3) «наименование некоторых родов у алтайцев именем оленя (*bur-it*) с признанием его предком, родоначальником» (выделение наше. — С. Д.) исследователь относит к числу явлений, «которые обнаруживают наиболее существенные черты тотемизма» [Потапов 1935: 147]; 4) и даже термин *Bir-kan* ‘божество’ он таким образом возводит к тотему-оленю алтайских тюрок прошлого [Потапов 1935: 151]. Со ссылкой на

изыскания Л. П. Потапова же С. М. Абрамзон отмечает, что именно «алтайский этнографический материал подтвердил семантику этнонима багыши» ('лось') у киргизов: во время камлания челканский шаман называл свой бубен «ер пагыч», осмыслия его как ездовое животное [Абрамзон 1990: 51–52].

Таким образом, совокупность приведенных данных позволяет возвести термин *бурут* к лексеме *bura ~ buyra* в реконструируемом первоначальном значении 'олень; лось', что вызывает к жизни следующий вывод: основными визави ойратов в киргизской (и бурятской) среде были, вероятно, племена «дөлөсской» группы с аллюзиями оленного тотема на уровне этнонимии, от которых сами ойрат-джунгары — сохраняя за собой имя *олёт* — себя на этническом уровне категорически не отделяли. В чем причина наблюдавшегося парадокса? Обратимся к истории.

3.9. Олёт и чорос, саргис и хашханер. Зюн-гар?

Традиционно идентичность, а, значит, во многом и наименование кочевой общности определялись таковыми у ее военно-административной элиты. В случае же с Джунгарским ханством в этом качестве выступает аристократический род *чорос / цорос*. Первым достоверно фиксируемым представителем его был Хутхи Таджу, сановник Элбэг-хагана и отец Батулы. Последний в знак замирения после убийства хаганом его отца получил от правителя звание чинсанга и его дочь Самор-гунджи, а также был уполномочен «ведать Дурбэн ойратами» [Шара түджи 1957: 142–143]. По получении этого известия Угэчи Хашага в негодовании называет себя действующим главой Четырех Ойратов, а Батулу — своим подчиненным (*minu xaracu*) [Geschichte der Ost-Mongolen 1829: 142–143]. Тут не согласимся с переводом К. И. Петрова ('мой человек из черни') [Петров 1961: 156] и уточним следующее. Чурасы фиксировались как «род», «аймак», «народ» и даже «туман» в истории Могулистана не позднее середины XIV в.: «этот род входил в правое крыло и был достаточно могущественным и многочисленным» [Акимушкин 2010: 18]. Учитывая культурно-исторический контекст (в том числе принимая во внимание нередко фиксируемые тюрко-мусульманские имена и титулы у вождей ойратов заданного периода), считаем возможным интерпретировать слово *харачу* как составную часть формы “харачу бек”, каковая в постимперский период у тюрко-монголов служила для обозначения военачальников, вышедших «из народа», а в частности — из гвардии-кешика. Так, в Крымском ханстве карачу беги участвовали в назначениях и смещениях ханов, подписании и согласовании инициируемых ханом договоров, а также выступали советниками в важных политических вопросах [Hope 2017: 181]. В пользу этого вывода говорит и явный «эффект основателя» в имеющихся образцах цоросов, соотносимых с Y-субкладом по SNP C-F9733 (>C-F8536, с «цоросовским» DYS385=11-11, TMRCA = около 500 лет) как ответвлением от C-F10378 (TMRCA = 1 000 лет), причем другим смежным ответвлением последнего оказывается и «бурятский» кластер C-Z4328 (TMRCA = 950 лет). Ранее же было показано, что ойрат-дербет-чоносы, соотносимые нами с дорбен-чоносами, маркируются «ойратским» вариантом Y-субклада R2-M479. Таким образом, общемонгольская борьба за власть видится фоном и для внутриойратских политических интриг: сначала между, а потом и внутри племенных — в пределе даже внутри родовых — групп. В итоге противостояние ойрат-киргиза Угэчи Хашага и его сына Эсэху с чорос-багатудом Батулой (равно и между их потомками) выступает как

межплеменная борьба за гегемонию не только в монгольском, но и в ойратском стане — причем в роли «законной», старой аристократии выступает, как ни странно, характеризуемый как «ойратский киргиз» Угэчи Хашага [Петров 1961: 155–160], а Батула — лишь его сановник и подчиненный военачальник, хотя и породнившийся с ханским домом.

Очевидно, что монгольские летописи, являясь ценными источниками исторических сведений, содержат и ряд анахронизмов (см., например, [Джагрунов 2025: 141]), однако наличие последних не всегда должно умалять достоверности летописных данных вообще [Абдуманапов 2017: 33]. Считаем возможным рассматривать в качестве такого анахронизма и обозначение Угэчи Хашаги «киргизом».

Вспомним, что сообщает «Шара туджи» об олётах: «*nigen-i ögülüd edüge sargsi gegci ulus bolba*» — «один из них Огулэт, ставший теперь народом под именем Сархис» [Шара туджи 1957: 99, 159; Желтая история 2017: 216]. Таким образом, олёты стали народом (скорее улусом, как и написано) Саргис. Что же это за народ (о котором калмыцкие источники не сообщают, лишь констатируя факт исхода «по возмущению диавола <...> шара шулму» [Лунный свет 2003: 84, 127])? Рассмотрим саму лексему. Учитывая преимущественное тюркоязычие дёёлёсов / тёёлёсов, предполагаем форму «sargsis» монгольской калькой либо заимствованием из некоего тюркского наречия. В условия оглушения конечного [z] литера *s* могла служить обозначением и означенного звука. Чередование *r* и *z* встречается в калмыцком (монгольском) и тюркских лексических параллелях, но в большинстве случаев монгольскому *r* соответствует тюркский *z*, с [Номин-ханов 1975: 60], т. е. вероятнее вариант заимствования. В пользу этого говорит и соответствие упоминаемого в хронике калмыцкого *шар* тюркскому *сары* [Алтайско-русский словарь 2018: 574; Киргизско-русский словарь 1965: 637] в значении ‘желтый’ (ср. др.-турк. *sarıy* [ДТС 1969: 488]). С учетом приводимых выше данных об этнографическом наполнении лексемы *дөөлөс* у киргизов, не исключаем возможности образования формы «sargsis» из словосочетания посредством усечения промежуточной части (как проявление языковой компрессии и в силу неизвестности халха-монгольскому летописцу тюркских этнонимов) — *сар(ы ба)гыш*. Также в работе Б. Д. Джамгерчинова при перечислении имен легендарных манапов находим вариант Дёёлёт [Джамгерчинов 1959: 52] с *-т* в конце слова. Тут же отметим, что в имени ойратского Хара Хиру [Алтан тобчи 1973: 118, 169, 180 и т. д.] из числа девяти выдающихся витязей Чингис-хана — в вариантах *Qaraqiru*, *Qara Girüge*, *Qara Ggirayu* [Шастина 1971: 131] и *Chara Kiragho* у И. Я. Шмидта [*Geschichte der Ost-Mongolen* 1829: 381] — определенно слышится связь с формой «карса-киргиз» (и даже с реконструируемой Ю. А. Зуевым **kärkir* [Зуев 1970: 77]), употреблявшейся для именования тяньшанских киргизов.

Таким образом, «оленные» (т- / д-)олёты (имеющие тотемы-этнонимы), откочевав, *стали* киргизами, и бурутами же — ‘оленными’, ‘перешедшими’ — ойраты их впредь и именовали. В пользу этого вывода говорит и титул *хашха*, активно фиксировавшийся в том числе у калмыков на Волге в форме «кашха» (см., например, [Тепкеев 2014: 198, 309, 311, 314, 319 и т. д.]), и лексически де-факто являющийся тюркским семантическим аналогом (др.-турк. *qaṣqa* ‘белая отметина на лбу животного, звездочка’ [ДТС 1969: 431]) монгольского *tögel*

‘звездочка на лбу лошади’ [ЭСМЯ 2018: 176], от которого может этимологизироваться сам этноним **tögeles > *tö'elles > *tö'öles* [Нанзатов, Тишин 2025: 184]. Этот титул и носил «ойратский киргиз» Угэчи Хашага, что вкупе с приводимыми выводами позволяет увидеть в его фигуре лидера племени *олёт*, которое — следуя дихотомии «чинос – марал» этногонического мифа — должно бы входить в объединение *дорбен* с чоносами (вспомним, что тёёлёсы были переданы в ведение Хорчи с теленгутами и чиносами [Козин 1941: 161]). Родовая группа с производным именем *хаиханер* (калм. *хаихнр*), представленная семью подразделениями, и поныне фиксируется у калмыков-дербетов в непосредственном соседстве с чоносами в составе родовой ассоциации *зюн*, интерпретируемой нами как условно привилегированное объединение «древней аристократии» ойратов (см. выше о соотношении терминов *зюн* и *цзун*) и также включающей бухусов (калм. *буңс* от *буң* ‘олень’ [Мунисев 1977: 115],ср. бугу). Отголоски возможности возвращения некой «благословенной» (вероятно, элитарной) части совершивших исход олётов слышатся в двух легендах, зафиксированных все у тех же дёёлёсов/тёёлёсов [Абрамзон 1966: 165–167]: в обеих историях фигурируют персонажи с именным компонентом «кашка», наделенный силой приносить благополучие конь (см. приведенную выше цепочку ‘олень – конь’), и для возвращения этого ушедшего (в первом случае к «калмыцкому хану», т. е. аллюзия с ойратами) с конем (во втором случае сам конь зовется Тору-Кашка) благословения добываются — либо сплетенный из волос того коня недоуздок (символ власти, управления), либо собственно его голова.

Наконец, в связи с титулом *хаиха* может быть рассмотрена еще одна этимология термина *бурут*: население Хонгорая в пределах «Хакасско-Минусинской котловины разделялось на „хасха сёök“ — белую кость, т. е. элитарный род, к которому относились кыргызы, и на „пора сёök“ — серую кость» [Бутанаев, Абыкалыков 1995: 13].

Как же могли соотноситься этнонимы (*m-*)*өөлд* и *зюн-гар*? Вспомним, что чорос-багатуд Батула состоял в подчинении у олёт-кэргуда Угэчи Хашаги в рамках союза Дорбен Ойрат, что, вероятно, и позволяло чорос-багатудам Джунгарии (и смежным с ними группам) в дальнейшем сохранять за собой это имя (а равно и параллельные «оленные» этнонимы) — хотя и в усеченном виде, для растождествления с бурутами позднего времени после создания «последней кочевой империи» — как обоснование прав на ойратскую идентичность и претензий на причастность этногоническому мифу монголов эпохи Чингис-хана в сопротивлении политическим амбициям представителей «золотого рода», т. е. для утверждения собственной власти. Разбирая же вопрос о *телёсах*, Л. П. Потапов указывает на совместное упоминание племен Толис и Джарык в хотано-сакских документах VIII–X вв. вкупе с выявленным родством алтайских телёсов с сеоком Ярык и заключает, что термин *толис*, ставший названием *восточной половины* тюркского каганата, мог бытовать в качестве этнонима как до, так и после эпохи последнего [Потапов 1987: 69–71]. Говоря о сёёке *тööllös*, Н. В. Екеев выводит его происхождение от раннетюркских *тöлэс* / *тöлис* в паре с *тодоши* – *тардуши*, т. е. указывает на связь со все той же *восточной частью* тюркских каганатов [Екеев 2011: 18–19, 79]. Таким образом, предполагаем, что и ойраты XVI–XVIII вв. могли осмысливать *төөлөс* с тюркских языков как ‘восточное крыло’, т. е. *зюн-гар* по-монгольски.

Б. З. Нанзатов и В. В. Тишин считают, что для этнонима **tögeles > *tö'elles > *tö'öles* (и его форм) сопоставление с толис «должно быть однозначно отвергнуто» [Нанзатов, Тишин 2025: 184]. Однако важно учитывать, что этноНимообразование определяется, очевидно, не одними строгими законами исторической фонетики, но и рядом прочих факторов, как-то: историческая память группы, самоидентификация, фактический состав и иерархическая структура на заданный исторический период, последующие межкультурные и межязыковые контакты, инкорпорации и / или переходы, языковые особенности вновь инкорпорированных подгрупп (элементов) и / или принимающих супергрупп, политические интересы и мотивы элит всех уровней, которые зачастую решают этот вопрос о самоназвании, и т. д. Разнонаправленность лексических транзитов при образовании этнонимов то с тюркского на монгольский (*tolis > jegün yar*), то с монгольского на тюркский (*qaşya > tögeli*) видятся коренящимися в разноэтничном составе как ойратских народных масс Джунгарии, так и ее элит (на этапе становления), а также не исключает ситуативной билингвальности значительной части тех и других.

О том, какие трансформации может пережить этноним так, что без дополнительной информации практически невозможно реконструировать эту цепочку, проиллюстрируем на одном примере у калмыков. Лишь с привлечением данных генетики, этнографии и проведением исторических параллелей было установлено, что в XVIII–XIX вв. при переходе в казачество чоносы-носители Y-субклада R2a-M124 меняли родовое имя на ясун *таячуд* (калм. *тæэжүүд* ‘тайши, князья’) [Джагрунов и др. 2023: 837] и расселялись по всем донским калмыцким станицам [Алексеева, Борманджинов 1999: 18]. Далее с течением времени в условиях оторванности от основной группы боевой клич чоносов *оон* (см., например: [Бакаева 2009: 109]) стал осмысливаться потомками перешедших как имя родоначальника *Ооно* (калм. *оон* ‘сайгак’) [Алексеева, Борманджинов 1999: 4]. Наконец, женщины Бембекинского (Икичоносовского) аймака на Дону, соблюдая табу, стали говорить «гөрәсн» (калм. *hərəsn* ‘антилопа-сайгак’), «гөрәснәхн» (‘потомки, люди [мужчины по имени] *hərəsn*’. — С. Д.) [Алексеева, Борманджинов 1999: 13]. Таким образом, всего за 100–150 лет после откочевки было табуировано и эвфемировано даже переосмыщенное имя «родоначальника», а связь с этнонимом *чонос* для тяячудов (кроме представителей двух собственно чоносовских станиц) зачастую была утрачена вовсе.

Подводя итог настоящим рассуждениям, приведем полную цитату замечательного исследователя истории и культуры киргизского народа К. И. Петрова: «Отдельные группы ойратских племен, кроме верховьев Енисея, жили также в других областях Енисейско-Иртышского междуречья, кочуя вперемежку с кыргызскими. Равным образом и некоторые кыргызские племена перемешивались с ойратскими. Судьбы таких ойратских и кыргызских племен зависели от того, с кем они в конце концовсливались: с общей массой монголоязычных ойратов или с тюркоязычными кыргызскими племенами» [Петров 1963: 92]. Тут остается лишь констатировать и вновь напомнить самим себе: этнос не статическое явление, и за почти 600 лет изменилось многое — ойраты современности не тождественны таковым образца XV в. (под вопросом порой даже структурное тождество по состоянию на вторую половину XVIII в.). Очевидно, то же можно заключить и о других братских народах Азии. Наконец, интересным видится

небольшое добавление об отмеченном рядом исследователей конструктивном сходстве вариантов перегонного аппарата (включая и терминологию) у все тех же киргизов, западных монголов (ойратов), алтайцев, бурят и хакасов [Абрамзон 1990: 164], что вновь может свидетельствовать о глубинных общих корнях означенных этносов. Собственно, поиску этого общего знаменателя у означенных этнических групп — поскольку историческую правду о становлении ойратов видится возможным реконструировать лишь в их взаимодействии с соседними группами — во многом и посвящена эта работа.

Также заметим, что ход текущих изысканий в целом неизбежно поднимает вопрос и о возможном этнополитическом наполнении терминов *ойрат*, *дорбен*, *ойрат* и проч., каковой с силу обширности будет рассмотрен в последующей работе.

4. Заключение

Итогом рассмотрения вопроса о корреляции трех этнонимов — *олёт* / *элем* / *элют*, *тёлёс* и *зюн-гар* — стало формулирование (в том числе с привлечением данных генетики) ряда попутных выводов о возможной судьбе собственно олётов / элетов / элютов калмыцких летописей, совершивших исход от ойратов «по возмущению диявола, именуемого шара шулму» и ставших «народом под именем Сархис»; вскрываются потенциальные связующие звенья между нынешними ойратами (калмыками), киргизами и бурятами в части этно- и политогенеза; предпринята попытка этимологизации этнонима *бурут* (*бурат*) с привлечением данных по этнографии алтайских тюрок в свете выводов о (*д-*/ *т-*)*өөлөс*-оленных связях на уровне этнонимии; выдвигается гипотеза о племенной идентичности «ойратского киргиза» Угэчи Хашахи и потенциальной судьбе правящего дома исторических олётов.

Рассматривая цоросов как «молодую» ветвь внутри калмыков-дербетов в форме поздней военно-административной «надстройки» по данным генетики, автор заключает о возможности соотнесения в рамках этногенического мифа монголов (при дихотомии «чинос — марал») *олёт* / *элем* / *элют* и *зюн-гар* с некой третьей группой, связанной с «оленным» компонентом мифа на уровне этнографии и этнонимии. Попутно констатируется определяющее значение этого мифа для ойратского полито- и этногенеза, так как именно апелляция к нему и возведение ойратов (и причислявших себя к ним) своего происхождения к старшему брату Дува Сохору и могли служить их элитам основанием для сопротивления априорным властным полномочиям «золотого рода», де-факто делая этнополитоним «ойрат» центром притяжения античингисидских сил в среде «лесных народов».

Сочетание соответствующих признаков — этноним (*т-/д-*)*өөлөд* и реминисценции оленногоtotема — среди исторически связанных с ойратами народов находим у киргизов и бурят в подразделениях *бугу*, *багыш* (*сары багыш*), собственно *дёёлёс* (*тёёлёс*) — и *сээзнут* соответственно. Касательно киргизских племен фиксируется ряд этнографических особенностей на уровне языка, тамг, а также возможность образования начального *д-* для *төөлөс* из монголоязычной среды. Обнаруживается и то, что тотемный предок бугинцев фиксируется в образе прародительницы, т. е. женщины (а не мужчины, как обычно), что опять-таки соответствует логике заявленного мифа.

Последовательный разбор сообщений о возможном пребывании в «ойратстве» киргизов, бурят и теленгутов наводит на вывод, что указанные группы связываются

с собственно ойратами все тем же компонентом «төөлөс», что в числе прочего позволяет предложить вариант этимологизации этнонима *сэгэнут* у бурят. Дальнейшее же рассмотрение *дөөлөс*-оленных параллелей с привлечением этнографического материала по алтайским тюркам приводит к формулированию версии о происхождении этнонимов *бурут / бурат* от *bura ~ buyra* в реконструируемом значении ‘олень; лось’, а сам этноним таким образом указывает, с кем ойраты прежде всего взаимодействовали в структуре предковых групп указанных этносов современности. Для этнонима же *бурут* таким образом актуализируются в ойратской среде значения ‘оленные’, ‘перешедшие’ и потенциально ‘серокостные’.

Связь джунгаров-чоросов с именем *олёт* и собственно тёёлёсами обнаруживается по данным историографии, скорее, в политической плоскости, причем к старой, «законной» аристократии принадлежащим оказывается «ойратский киргиз» Угэчи Хашага, для которого вторая часть идентичностной формулы оказывается анахронизмом. Сама же канва противостояния Угэчи Хашаги и Батулы с их партиями видится таким образом внутриойратской борьбой за гегемонию между собственно олётами (главой каковых и видится Угэчи Хашага) и поднявшимися к власти чорос-багатудами. Итогом этого противостояния и стал исход олётов, а фиксируемая форма «*sargsis*» реконструируется как усеченная *сар(ы ба) гыш*. На этнографическом материале тёёлёсов и дёёлёсов же делается вывод о возможности возвращения элитарной части исшедших олётов в ойратскую среду, причем потенциально это подтверждается данными калмыцкой этнографии: *хаиханеры* и поныне проживают рядом с *чоносами*, входя с ними и *бухусами* в состав родовой ассоциации *зюнов* (соотносимы с элитарными группами *цзун* Джунгарского ханства) в составе калмыков-дербетов.

Форма же «зюн-гар» видится в итоге монгольской калькой с тюркского *толис*, служившего обозначением восточной части тюркских военно-политических образований эпохи раннего и высокого средневековья, и может указывать на сложные этнические — и связанные идентичностные — процессы в структуре собственно ойратства Джунгарии.

Источники	Sources
Алтайско-русский словарь 2018 — Алтайско-русский словарь / редколл.: А. Э. Чумакаев (отв. ред.), Н. В. Екеев и др. Горно-Алтайск: [б. и.], 2018. 936 с.	Chumakayev A. E., Ekeev N. V. et al. (eds.) Altaian-Russian Dictionary. Gorno-Altaysk: [s. n.], 2018. 936 p. (In Alt. and Russ.)
ДТС 1969 — Древнетюркский словарь / ред. В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Л.: Наука, 1969. XXXVIII+678 с.	Nadelyaev V. M., Nasilov D. M., Tenishev E. R., Shcherbak A. M. (eds.) Dictionary of Old Turkic. Leningrad: Nauka, 1969. XXXVIII+678 p. (In Turk. and Russ.)
Киргизско-русский словарь 1965 — Киргизско-русский словарь. Около 40 000 слов / сост. К. К. Юдахин. М.: Советская энциклопедия, 1965. 973 с.	Yudakhin K. K. (comp.) Kyrgyz-Russian Dictionary. Ca. 40,000 word entries. Moscow: Sovetskaya Entziklopediya, 1965. 973 p. (In Kyrg. and Russ.)

- Муниев 1977 — *Муниев Б. Д. Калмыцко-русский словарь: 26 000 слов / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 765 с.*
- ЭСМЯ 2016 — *Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 тт. / гл. ред. Г. Д. Санжеев, ред. Л. Р. Концевич, В. И. Рассадин, Я. Д. Леман. Т. II. Г–Р. М.: ИВ РАН, 2016. 232 с.*
- ЭСМЯ 2018 — *Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 тт. / отв. ред. Г. Д. Санжеев, ред.-сост. Л. Р. Концевич, В. И. Рассадин, Я. Д. Леман. Т. III. Q–Z. М.: ИВ РАН, 2018. 240 с.*
- Liao Shi — Liao Shi. History of Liao [электронный ресурс] // Chinese Notes. URL: <https://chinesenotes.com/liaoshi.html> (дата обращения: 30.07.2025).
- YFull.com: C-F1067 — C-F1067 [электронный ресурс] // YFull.com. URL: <https://www.yfull.com/tree/C-F1067/> (дата обращения: 29.07.2025).
- YFull.com: C-F6193 (SK1066) — C-F6193 (SK1066) [электронный ресурс] // YFull.com. URL: <https://www.yfull.com/tree/C-F6193/> (дата обращения: 29.07.2025).
- Муниев B. D. (ed.) *Kalmyk-Russian Dictionary. 26 000 word entries. Moscow: Russkij Yazy'k, 1977. 765 p. (In Kalm. and Russ.)*
- Sanzheev G. D., Orlovskaya M. N. Shevernnina Z. V. *Etymological Dictionary of Mongolic Languages. In 3 vols. Vol. 2: G–P. G. D. Sanzheev et al. (eds.). Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2016. 232 p. (In Mong., Russ., etc.)*
- Sanzheev G. D., Orlovskaya M. N., Shevernnina Z. V. *Etymological Dictionary of Mongolic Languages. In 3 vols. Vol. 3: Q–Z. G. Sanzheev et al. (eds.). Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2018. 240 p. (In Mong., Russ., etc.)*
- Liao Shi. History of Liao. Chinese Notes. Available at: <https://chinesenotes.com/liaoshi.html> (accessed: 30 July 2025). (In Chin.)
- C-F1067. On: YFull.com. Available at: <https://www.yfull.com/tree/C-F1067/> (accessed: 29 July 2025). (In Eng.)
- C-F6193 (SK1066). On: YFull.com. Available at: <https://www.yfull.com/tree/C-F6193/> (accessed: 29 July 2025). (In Eng.)

Литература

Абдуманапов 2017 — Абдуманапов Р. А. Происхождение племени *доөлөс* в разрезе этногенетических связей кыргызов с Алтаем // Алтайская цивилизация и родственные народы алтайской языковой семьи: сб. выст. и ст. междунар. форума (г. Бишкек, 20–22 июля 2017 г.) / редкол.: К. Молдокасымов (пред.), М. Карыбаева и др. Бишкек: Турар, 2017. С. 27–37.

Абдуманапов, Сабитов 2024 — Абдуманапов Р. А., Сабитов Ж. М. Улус Ильчиқдай в империи эмира Тимура // Oriental Studies. 2024. Т. 17. № 3. С. 46–475. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-73-3-464-475

References

- Abdumanapov R. A. Origins of the Döölös: A Perspective from the Kyrgyz-Altai Ethnogenetic Ties. In: Moldokasymov K. et al. (eds.) *Altai Civilization, Altaic Languages and Groups. Forum Proceedings* (Bishkek, 20–22 July 2017). Bishkek: Turar, 2017. Pp. 27–37. (In Russ.)
- Abdumanapov R. A., Sabitov Zh. M. Ilchikdai Ulus in the Empire of Amir Timur. *Oriental Studies*. 2024. Vol. 17. Is. 3. Pp. 464–475. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-73-3-464-475

- Абдыкалыков 1963 — Абдыкалыков А. О. О термине «буруты» // Советская этнография. 1963. № 1. С. 123–127.
- Абрамзон 1960 — Абрамзон С. М. Этнический состав киргизского населения Северной Киргизии // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. Т. IV. М.: АН СССР, 1960. С. 3–138.
- Абрамзон 1966 — Абрамзон С. М. Из этнической истории киргизов // Туркологический сборник 1966. М.: Наука, ГРВЛ, 1966. С. 165–167.
- Абрамзон 1990 — Абрамзон С. М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Фрунзе: Кыргызстан, 1990. 480 с.
- Авляев 2002 — Авляев Г. О. Происхождение калмыцкого народа. 2-е изд., перераб. и исправл. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. 325 с.
- Акимушкин 2010 — [Акимушкин О. Ф.] Сведения об авторе // Шах-Махмуд Чурас. Хроника / критический текст, перев., comment., исслед. и указат. О. Ф. Акимушкина. 2-е изд. СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2010. С. 17–52.
- Алексеева, Борманджинов 1999 — Алексеева П. Э., Борманджинов А. Э. Об этническом составе донских калмыков. Элиста: Джангар, 1999. 40 с.
- Алтайцы 2014 — Алтайцы: этническая история, традиционная культура, современное развитие / редколл. Н. В. Екеев (отв. ред.), Н. М. Екеева, Э. В. Енчинов. Горно-Алтайск: [б. и.], 2014. 464 с.
- Алтан тобчи 1973 — Лубсан Данзан. Алтан Тобчи (Золотое сказание) / пер. с монг., введ., comment. и прилож. Н. П. Шастиной. М.: Наука, ГРВЛ, 1973. 440 с.
- Аристов 2001 — Аристов Н. А. Усуни и кыргызы или кара-кыргызы: очерки истории и быта населения западного Тянь-Шаня и исследования по его исторической географии. Бишкек: Илим, 2001. 582 с.
- Abdykalykov A. O. On the Term Burut. Sovetskaya Etnografiya. 1963. No. 1. Pp. 123–127. (In Russ.)
- Abramzon S. M. Ethnic Composition of the Kyrgyz Inhabiting North Kyrgyzstan. In: Proceedings of the Kyrgyzstan Archaeological and Ethnographic Expedition. Vol. 4. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1960. Pp. 3–138. (In Russ.)
- Abramzon S. M. Glimpses of Kyrgyz Ethnic History. In: Turkological Collection 1966. Moscow: Nauka — GRVL, 1966. Pp. 165–167. (In Russ.)
- Abramzon S. M. The Kyrgyz, their Ethnogenetic, Historical and Cultural Ties. Frunze: Kyrgyzstan, 1990. 480 p. (In Russ.)
- Avlyaev G. O. Origins of the Kalmyk People. 2 ed., rev. & suppl. Elista: Kalmykia Book Publ., 2002. 325 p. (In Russ.)
- Akimushkin O. F. Author Information. In: Shah-Mahmud Churas. Chronicles. O. Akimushkin (transl., comment., etc.). 2nd ed. St. Petersburg: Peterburgskoe Lingvisticheskoe Obshhestvo, 2010. Pp. 17–52. (In Russ.)
- Alekseeva P. E., Bormanshinov A. E. Revisiting the Ethnic Composition of the Don Kalmyks. Elista: Dzhangar, 1999. 40 p. (In Russ.)
- Ekeev N. V. et al. (eds.) The Altaian: Ethnic History, Traditional Culture, Contemporary Development. Gorno-Altaisk: [s. n.], 2014. 464 p. (In Russ.)
- Luvsandanzan. Altan Tobchi (The Golden Summary). N. Shastina (transl., foreword, etc.). Moscow: Nauka, GRVL, 1973. 440 p. (In Mong. And Russ.)
- Aristov N. A. The Wusun and the Kyrgyz or Qara Kyrgyz: Essays on the History and Household Life of Communities across the Western Tian Shan, and Studies in its Historical Geography. Bishkek: Ilim, 2001. 582 p. (In Russ.)

- Аттокуров 1995 — *Аттокуров С.* Кыргыз санжырасы (= Кыргызское родословие). Бишкек: Кыргызстан, 1995. 214 с.
- Бакаева 2009 — *Бакаева Э. П.* Сакральные коды культуры калмыков. Элиста: ИКИАТ, 2009. 159 с.
- Балановская и др. 2022 — *Балановская Е. В., Горин И. О., Пономарев Г. Ю., Пылев В. Ю., Петрушенко В. С., Маркина Н. В., Мамаева А. Д., Ларин А. К., Агдожоян А. Т.* Следы взаимодействия финноязычного, славянского и тюркоязычного населения в современном генофонде и их отражение в фармакогенетике // Вестник Российского государственного медицинского университета. 2022. № 2. С. 20–29. DOI: 10.24075/vrgmu.2022.019
- Банзаров 1955 — *Банзаров Д.* Собрание сочинений. М.: АН СССР, 1955. 373, [1] с.
- Батболд 2017 — *Батболд Б. Г.* Мартагдсан Пүгүй аймаг. Улаанбаатар: Хунан прнт, 2017. 244 х.
- Баялиева 1972 — *Баялиева Т. Д.* Доисламские верования и их пережитки у киргизов. Фрунзе: Илим, 1972. 170 с.
- Бейшеналиев 1990 — *Бейшеналиев Т. О.* Буруты — дикокаменные киргизы? // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XXIII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения). Ч. 1. М.: Наука, ГРВЛ, 1990. С. 139–143.
- Бичурин 1834 — *Бичурин Н. Я. [Иакинф]* Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени / сочинено монахом Иакинфом. СПб.: Тип. Медиц. деп-та Мин-ва внутр. дел, 1834. 255, [13] с.
- Бобров 2019 — *Бобров Л. А.* Джунгары — последняя кочевая империя // Кочевые империи Евразии: особенности исторической динамики / отв. ред. Б. В. Базаров, Н. Н. Крадин; М.: Наука, Вост. лит., 2019. С. 364–398.
- Attokurov S. Genealogies of the Kyrgyz. Bishkek: Kyrgyzstan, 1995. 214 p. (In Kyrg.)
- Bakaeva E. P. Sacred Codes of Kalmyk Culture. Elista: IKIAT, 2009. 159 p. (In Russ.)
- Balanovska E. V., Gorin I. O., Ponomarev G. Yu., Pylev V. Yu., Petrushenko V. S., Markina N. V., Mamaeva A. D., Larin A. K., Agdzhoyan A. T. Footprints of Interaction among Finnic-speaking, Slavic, and Turkic Speaking Populations in Modern Gene Pool and their Reflection in Pharmacogenetics. *Bulletin of RSMU*. 2022. No. 2. Pp. 20–29. (In Russ.). DOI: 10.24075/vrgmu.2022.019
- Banzarov D. Collected Writings. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1955. 373, [1] p. (In Russ.)
- Batbold B. G. The Forgotten Pugu Ayimag. Ulaanbaatar: Khunan Print, 2017. 244 p. (In Mong.)
- Bayaliyeva T. D. Pre-Islamic Beliefs and their Vestiges among the Kyrgyz. Frunze: Ilim, 1972. 170 p. (In Russ.)
- Beishenaliyev T. O. The Burut — Kirghizes of the Wild Rocks? In: Written Monuments and Problems of Cultural History of the Orient. Session proceedings. Part 1. Moscow: Nauka, GRVL, 1990. Pp. 139–143. (In Russ.)
- Bichurin (Hyacinth). A Historical Review of the Oirat or Kalmyk: from the Fifteenth Century to the Present. St. Petersburg: Tip. Medicz. Dep-ta Min-va Vnitr. Del, 1854. 255, [13] p. (In Russ.)
- Bobrov L. A. Dzungar — the Last Nomadic Empire. In: Bazarov B. V., Kradin N. N. (eds.) Nomadic Empires of Eurasia: Features of Historical Dynamics. Moscow: Nauka, Vostochnaya Literatura, 2019. Pp. 364–398. (In Russ.)

- Болхосоев, Болхосоева 2023 — Болхосоев С. Б., Болхосоева Е. Б. Проблемы прародины и этнических корней бурятской группы сэгэнутов // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2023. Т. 4. С. 99–119. DOI: 10.26516/2227-2380.2023.44.99
- Бутанаев, Абдыкалыков 1995 — Бутанаев В. Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории Хакасии XVII – начала XVIII в. Абакан: Хакасия, 1995. 250, [7] с.
- Бутанаев, Худяков 2000 — Бутанаев В. Я., Худяков Ю. С. История енисейских кыргызов. Абакан: ХГУ, 2000. 224, [47] с.
- Викторова 1980 — Викторова Л. Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры / отв. ред. Д. И. Тихонов. М.: Наука, ГРВЛ, 1980. 224 с.
- Винников 1956 — Винников Я. Р. Родоплеменной состав и расселение киргизов на территории Южной Киргизии // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. Т. I. М.: АН СССР, 1956. С. 136–181.
- Владимирцов 2002 — Владимирцов Б. Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов / редкол.: В. М. Алпатов (пред.) и др.; сост. Г. И. Слесарчук. М.: Вост. лит., 2002. 557 с.
- Грумм-Гржимайло 1926 — Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урзыхайский край. Т. 2: Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии. Ученый Комитет Монгольской Народной Республики. Л.: Тип. Гл. ботанического сада, 1926. 896 с.
- Деева 2018 — Деева А. Е. Образ Алтая в родовом и этническом сознании алтайцев // Полевые исследования на Алтае, в Прииртышье и Верхнем Приобье (археология, этнография, устная история). Вып. 13: Мат-лы XIII междунар. науч.-практ. конф. (г. Горно-Алтайск, 24–27 апреля 2018 г.). Горно-Алтайск: ГАГУ, 2018. С. 214–216.
- Bolkhosoev S. B., Bolkhosoeva E. B. Problems of the Former Homeland and Ethnic Roots of the Buryat Group of Segenuts. *Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*. 2023. Vol. 44. Pp. 99–119. (In Russ.). DOI: 10.26516/2227-2380.2023.44.99
- Butanaev V. Ya., Abdykalykov A. Khakassia, 17th – Early 19th Centuries: Historical Materials. Abakan: Khakassia, 1995. 250, [7] p. (In Russ.)
- Butanaev V. Ya., Khudyakov Yu. S. History of the Yenisei Kyrgyz. Abakan: Khakass State University, 2000. 224, [47] p. (In Russ.)
- Viktorova L. L. The Mongols: Origins of Ethnos and Beginnings of Culture. D. Tikhonov (ed.). Moscow: Nauka, GRVL, 1980. 224 p. (In Russ.)
- Vinnikov Ya. R. The Kyrgyz of South Kyrgyzstan: Their Clans, Tribes and Whereabouts. In: Proceedings of the Kyrgyzstan Archaeological and Ethnographic Expedition. Vol. 1. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1956. Pp. 136–181. (In Russ.)
- Vladimirtsov B. Ya. History and Ethnography of Mongolic Peoples: Writings. V. Alpatov et al. (eds.), G. Slesarchuk (comp.). Moscow: Vostochnaya Literatura, 2002. 557 p. (In Russ.)
- Grum-Grshimailo G. E. Western Mongolia and Uriankhai Krai. Vol. 2: A Historical Essay on These Regions in Relation to Central Asian History. Leningrad: Main Botanical Garden, 1926. 896 p. (In Russ.)
- Deeva A. E. The Image of Altai in the Tribal and Ethnic Consciousness of Altaians. In: Field Research in Altai, Irtysh Region and Upper Ob region (Archaeology, Ethnography, Oral History). 2017. Vol. 13. Conference Proceedings (Gorno-Altaisk, 24–27 April 2018). Gorno-Altaisk: Gorno-Altaysk State University, 2018. Pp. 214–216. (In Russ.)

- Джагрунов 2024 — Джагрунов С. В. Дурбан, ойрат, сог-по: о Борте-Чинно, Гоа-Марал и началах ойратской исторической общности (в свете данных по субкладу Y-хромосомы R2a-M124 у калмыков) // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 6. С. 1550–1561. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-70-6-1550-1561
- Джагрунов 2025 — Джагрунов С. В. Цорос, чорос, багатуд: Барга-Батор и ойраты // *Монголоведение*. 2025. Т. 17. № 1. С. 130–153. DOI: 10.22162/2500-1523-2025-1-130-153
- Джагрунов и др. 2023 — Джагрунов С. В., Булуктаев А. А., Намысов Б. С., Матакова Д. И., Саянов В. Т., Адьянова А. Б. Чонос, тайджиут, хашханер: в поисках общего знаменателя (по материалам STR-гаплотипов Y-хромосомы R2a-M124 у калмыков) // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 4. С. 826–846. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-826-846
- Джагрунов, Булуктаев 2024а — Джагрунов С. В., Булуктаев А. А. Цорос, чорос, багатуд: к вопросу о происхождении цоросов (по материалам Y-STR-гаплотипов C2-F1067 у калмыков). Часть 1: дербеты // *Oriental Studies*. 2024. Т. 17. № 4. С. 835–848. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-74-4-835-848
- Джагрунов, Булуктаев 2024б — Джагрунов С. В., Булуктаев А. А. Цорос, чорос, багатуд: к вопросу о происхождении цоросов (по материалам Y-STR-гаплотипов C2-F1067 у калмыков). Часть 2: торгуты, зюнгары, бузавы // *Oriental Studies*. 2024. Т. 17. № 5. С. 1076–1095. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-75-5-1076-1095
- Джамгерчинов 1959 — Джамгерчинов Б. Д. Присоединение Киргизии к России / предисл. М. П. Вяткина. М.: Соцэкгиз, 1959. 435 с.
- Dzhagrunov S. V. Dörbän, Oirat, Sog-po: On Börtä-Čino, Qo'aï-Maral, and beginnings of the Oirat Unity (In light of data on R2a-M124 Y-STR Haplotypes of Kalmyks). *Oriental Studies*. 2023. Vol. 16. Is. 6. Pp. 1550–1561. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-70-6-1550-1561
- Dzhagrunov S. V. Tsoros, Choros, Bagatud: Barga Bator and Oirats. *Mongolian Studies (Elista)*. 2025. Vol. 17. Is. 1. Pp. 130–153. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2025-1-130-153
- Dzhagrunov S. V., Buluktaev A. A., Namyssov B. S., Matsakova D. I., Sayanov V. T., Adyanova A. B. Chonos, Taichiud, Khashikhanar: In Search of a Common Denominator (with Evidence from R2a-M124 Y-STR Haplotypes of Kalmyks). *Oriental Studies*. 2023. Vol. 16. Is. 4. Pp. 826–846. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-826-846
- Dzhagrunov S. V., Buluktaev A. A. Tsoros, Choros, Bayatud: Discussing Origins of the Tsoros (With Evidence from C2-F1067 Y-STR Haplotypes of Kalmyks). Part 1: The Dorbet. *Oriental Studies*. 2024. Vol. 17. Is. 4. Pp. 835–848. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-74-4-835-848
- Dzhagrunov S. V., Buluktaev A. A. Tsoros, Choros, Bayatud: Discussing Origins of the Tsoros (with Evidence from C2-F1067 Y-STR Haplotypes of Kalmyks). Part 2: The Torghut, Dzungar, Buzav. *Oriental Studies*. 2024. Vol. 17. Is. 5. Pp. 1076–1095. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-75-5-1076-1095
- Dzhamgerchinov B. D. Russia's Incorporation of Kyrgyzstan. M. Vyatkin (foreword). Moscow: Socze'kgiz, 1959. 435 p. (In Russ.)

- Дугаров 1991 — Дугаров Д. С. Исторические корни белого шаманства (на материале обрядового фольклора бурят). М.: Наука, 1991. 300 с.
- Дыренкова 2012 — Дыренкова Н. П. Значение термина «*bura ~ puyra*» у алтайских турок (в связи с культом коня и оленя) // Дыренкова Н. П. Тюрки Саяно-Алтая. Статьи и этнографические материалы. Серия «Кунсткамера — Архив». Т. VI. СПб.: МАЭ РАН, 2012. С. 200–229.
- Е Лун-ли 1979 — Е Лун-ли. История государства киданей (= Цидань го чжи) / пер. с кит., введ., comment. и прил. В. С. Таскина. М.: Наука, 1979. 607 с.
- Евстигнеев 2012 — Евстигнеев Ю. А. История и хронологическая трансформация содержания термина «Кыпчак» // Проблемы востоковедения. 2012. № 1(5). С. 27–29.
- Екеев 2011 — Екеев Н. В. Проблемы этнической истории алтайцев (исследование и материалы). Горно-Алтайск: Горно-Алтайская типография, 2011. 232 с.
- Желтая история 2017 — Желтая история (Шара түджи) / пер. с монгольского, транслитерация, введ. и comment. А. Д. Цендиной. М.: Наука, Вост. лит., 2017. 406 с. (Памятники письменности Востока. CXLVII).
- Жолдошов 2023 — Жолдошов Р. Ж. Родоплеменные связи кыргызов и алтайских народов по этногенетическим данным // Историческая этнология. 2023. Т. 8. № 3. С. 327–340. DOI: 10.22378/he.2023-8-3.327-340
- Зориктуев 2010 — Зориктуев Б. Р. Этимология древнемонгольских слов *börte* и *qoai* // Вестник Бурятского государственного университета. Педагогика. Филология. Философия. 2010. № 8. С. 136–139.
- Зуев 1970 — Зуев Ю. А. Киргизы-буруты (к вопросу о тотеме и принципах этнонимообразования) // Советская этнография. 1970. № 4. С. 74–86.
- Dugarov D. S. Historical Roots of White Shamanism: a Study of Buryat Ritual Folklore. Moscow: Nauka, 1991. 300 p. (In Russ.)
- Dyrenkova N. P. Semantics of the Term *bura ~ puyra* among Altaian Turks: In Relation to the Horse/Deer Cult. In: Dyrenkova N. P. Turks of the Sayan-Altaï. Articles and Ethnographic Materials (Kunstkamera — Archives 6). St. Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography (RAS), 2012. Pp. 200–229. (In Russ.)
- Ye Longli. Records of the Khitan State (Qidan Guo Zhi). V. Taskin (transl., foreword, etc.). Moscow: Nauka, 1979. 607 p. (In Russ.)
- Evstigneev Yu. A. The History and Chronological Transformation of the Meaning of the Term “Kipchak”. *The Problems of Oriental Studies*. 2012. No. 1(55). Pp. 7–29. (In Russ.)
- Ekeev N. V. The Altaian: Problems of Ethnic History. Study and Materials. Gorno-Altaisk: Gorno-Altayskaya Tipografiya, 2011. 232 p. (In Russ.)
- The Yellow History (Sira Tujuji). A. Tsendina (transl., foreword, etc.). Moscow: Nauka, Vostochnaya Literatura, 2017. 406 p. (In Russ.)
- Zholdoshov R. Zh. Tribal Relations of the Kyrgyz and Altai Peoples According to Ethnological Data. *Historical Ethnology*. Vol. 8. No. 3. Pp. 327–340. (In Russ.). DOI: 10.22378/he.2023-8-3.327-340
- Zoriktuev B. R. Etymology of the Old Mongolian Words *börte* and *qoai*. *Buryat State University Bulletin. Pedagogy. Philology. Philosophy*. 2010. No. 8. Pp. 36–139. (In Russ.)
- Zuev Yu. A. Burut-Kyrgyzes: More on Totemism and Principles of Ethnonym Formation. *Sovetskaya Etnografiya*. 1970. No. 4. Pp. 74–86. (In Russ.)

- История Железной империи 2007 — История Железной империи / отв. ред. В. Е. Ларичев. Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2007. 355 с.
- Камалов 2001 — Камалов А. К. Древние уйгуры. VIII–IX вв. Алматы: Наш Мир, 2001. 216 с.
- Козин 1941 — Козин С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием Mongrol-un niguča tobčiyan. Юань чао би ши. Монгольский обыденный изборник. Т. I. Введение в изучение памятника, перевод, тексты, глоссарии / отв. ред. А. П. Баранников, предисл. Н. Н. Поппе. М.; Л.: АН СССР, 1941. 619 с.
- Коновалов, Цыбикдоржиев 2017 — Коновалов П. Б., Цыбикдоржиев Д. В. Исторический Баргуджин-Токум — исконная родина бурятского народа // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2017. Т. 19. С. 129–150.
- Ксенофонтов 1992 — Ксенофонтов Г. В. Ураангхай-сахалар: очерки по древней истории якутов. Т. 1. Кн. 2. Якутск: Нац. изд-во Респ. Саха (Якутия), 1992. 315 с.
- Кукеев 2008 — Кукеев Д. Г. О вхождении хошутов и торгутов в ойратский союз (XV в.) // Письменные памятники Востока. 2008. № 2(9). С. 231–236.
- Кычанов 1997 — Кычанов Е. И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М.: Вост. лит., 1997. 316,[2] с.
- Лунный свет 2003 — Лунный свет: Калмыцкие историко-литературные памятники: пер. с калм. / сост., ред., вступ. сл., предисл., comment. А. В. Бадмаева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2003. 477 с.: ил.
- Материалы по истории 1984 — Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху / введ., пер. [с кит.] и comment. В. С. Таскина. М.: Наука, 1984. 486 с.
- History of the Iron Empire (Liáo Shī). V. Larichev (ed.). Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography (SB RAS), 2007. 355 p. (In Russ.)
- Kamalov A. K. Ancient Uighurs, 8th–9th Centuries CE. Almaty: Nash Mir, 2001. 216 p. (In Russ.)
- Kozin S. A. The Secret History of the Mongols: a Mongolian Chronicle of 1240 Titled “Monggolun niguča tobčiyan. Yuan chao bi shi”. Vol. 1: Research Introduction, Translation, Texts, Glossaries. A. Barannikov (ed.), N. Poppe (foreword). Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1941. 619 p. (In Russ. and Mong.)
- Konovalov P. B., Tsibikdorzhiev D. V. Historical Bargudzhin-Tocum as the Indigenous Homeland of the Buryat People. *Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*. 2017. Vol. 19. Pp. 129–150. (In Russ.)
- Ksenofontov G. V. Uraangkhay-Sakhalar: Essays in Ancient Yakut History. Vol. 1. Book 2. Yakutsk: National Publ. House of the Sakha Republic (Yakutia), 1992. 315 p. (In Russ.)
- Kukeev D. G. On Khoshut and Torgut Alliance with the Oirat Union. *Pis'mennye Pamiatniki Vostoka*. 2008. No. 2(9). Pp. 231–236. (In Russ.)
- Kychanov E. I. Nomadic States: from the Xiongnu to the Manchu. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1997. 316 (2) p. (In Russ.)
- Badmaev A. V. (comp., ed.) The Moonlight: Kalmyk Historical and Literary Texts. Elista: Kalmykia Book Publ., 2003. 477 p. (In Russ.)
- Taskin V. S. (comp.) Ancient Nomadic Tribes of the Donghu: Historical Materials. V. S. Taskin (foreword, transl., etc.). Moscow: Nauka, 1984. 486 p. (In Russ.)

- Нанзатов 2016 — Нанзатов Б. З. К вопросу о ранней этнической истории баргу-бурятской общности // *Oriental Studies*. 2016. Т. 9. № 1. С. 99–106. DOI: 10.22162/2075-7794-2016-23-1-99-106
- Нанзатов 2020 — Нанзатов Б. З. Потомки Элюдэя: проблема ойратско-бурятских этнических связей // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2020. Т. 48. № 4. С. 116–124. DOI: 10.17746/1563-0110.2020.48.4.116-124
- Нанзатов, Тишин 2025 — Нанзатов Б. З., Тишин В. В. Этноним *togeles в истории монгольских и тюркских народов // *Ориенталистика*. 2025. Т. 8. № 2. С. 81–197. DOI: 10.31696/2618-7043-2025-8-2-181-197
- Номинханов 1975 — Номинханов Ц.-Д. Материалы к изучению истории калмыцкого языка. М.: Наука, 1975. 325, 2 с.
- Очир 2016 — Очир А. Монгольские этнонимы: вопросы происхождения и этнического состава монгольских народов. Элиста: КИГИ РАН, 2016. 286 с.
- Петров 1961 — Петров К. И. К истории движения киргизов на Тянь-Шань и их взаимоотношений с ойратами в XIII–XV вв. Фрунзе: АН Киргиз. ССР, 1961. 212 с.
- Петров 1963 — Петров К. И. Очерк происхождения киргизского народа. Фрунзе: АН Киргиз. ССР, 1963. 148 с.
- Письменные памятники 2016 — Письменные памятники по истории ойратов XVII–XVIII веков / сост., перев. со старописьм. монг., транслит. и коммент. В. П. Санчирова. Элиста: КИГИ РАН, 2016. 270 с.
- Nanzatov B. Z. To the Issue of the Early Ethnic History of Bargu-Buryat Community. *Oriental Studies*. 2016. Vol. 9. Is. 1. Pp. 99–106. (In Russ.). DOI: 10.22162/2075-7794-2016-23-1-99-106
- Nanzatov B. Z. Descendants of Eleudei: the Problem of Oirat-Buryat Ethnic Contacts. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 2020. Vol. 48. No. 4. Pp. 116–124. (In Russ.). DOI: 10.17746/1563-0110.2020.48.4.116-124
- Nanzatov B. Z., Tishin V. V. Ethnonym *Togeles in the History of the Mongolic and Turkic Peoples. *Orientalistica*. 2025. Vol. 2. No. 2. Pp. 181–197. (In Russ.). DOI: 10.31696/2618-7043-2025-8-2-181-197
- Nominkhanov Ts.-D. Kalmyk Language Research Materials. Moscow: Nauka, 1975. 325, 2 p. (In Russ.)
- Ochir A. Ethnonyms of Mongols: Insights into Genesis and Ethnic Composition of Mongolic Peoples. Elista: Kalmyk Institute for Humanities (RAS), 2016. 286 p. (In Russ.)
- Petrov K. I. The Kyrgyz: More on Their Relocation to the Tian Shan and Relations with the Oirat, 13th–15th Centuries. Frunze: Academy of Sciences of the Kirghiz SSR, 1961. 212 p. (In Russ.)
- Petrov K. I. The Kyrgyz: An Essay on Origins and Ethnogenesis. Frunze: Academy of Sciences of the Kirghiz SSR, 1963. 148 p. (In Russ.)
- Sanchirov V. P. (comp., etc.) 17th- and 18th-Century Written Sources on Oirat History. Elista: Kalmyk Institute for Humanities (RAS), 2016. 270 p. (In Oir. and Russ.)

- Позднеев 1880 — *Позднеев А. М.* Образцы народной литературы монгольских племен / собр. и изд. А. Позднеевым. Вып. 1. Народные песни монголов: с прил. примеч. о характере нар. песен. поэзии монгол. племен, стихотворениях лит. и приемах стихосложения у монголов. СПб.: Тип. Акад. наук, 1880. [4], VI, 347 с.
- Потапов 1935 — *Потапов Л. П.* Следы тотемических представлений у алтайцев // Советская этнография. 1935. № 4–5. С. 134–152.
- Потапов 1966 — *Потапов Л. П.* Этноним *теле* и алтайцы // Тюркологический сборник. К 60-летию А. Н. Кононова. М.: Наука, ГРВЛ. 1966. С. 233–240.
- Потапов 1987 — *Потапов Л. П.* Алтайские телёсы в этническом отношении // Проблемы происхождения и этнической истории тюркских народов Сибири: сб. статей / под ред. Н. А. Томилова. Томск: Томск. ун-т, 1987. С. 53–71.
- Раднаев 2012 — *Раднаев В. Э.* Монгольское языкознание в России в 1-й половине XIX в.: проблемы наследия (Т. 1. Ч. 1). Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2012. 392 с.
- Рашид ад-Дин 1952а — *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. I. Кн. первая / пер. с перс. Л. А. Хетагурова; ред. и примеч. А. А. Семенова; отв. ред. С. П. Толстов. М.; Л.: АН СССР, 1952. 221 с.
- Рашид ад-Дин 1952б — *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. I. Кн. вторая / пер. с перс. О. И. Смирновой; примеч. Б. И. Панкратова и О. И. Смирновой; ред. А. А. Семенова. М.; Л.: АН СССР, 1952. 316 с.
- Рашид ад-Дин 1960 — *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. 2 / пер. с перс. Ю. П. Верховского; примеч. Ю. П. Верховского и Б. И. Панкратова; ред. проф. И. П. Петрушевского; [отв. ред. акад. И. А. Орбели]. М.; Л.: АН СССР, 1960. 248 с.
- Pozdneev A. M. (comp., ed.) Folk Literature of Mongols: Collected Samples. Vol. 1: Folk Songs with Comments on their Essentials and Versification Techniques. St. Petersburg: Academy of Sciences, 1880. [4], VI, 347 p. (In Russ. and Mong.)
- Potapov L. P. Reminiscences of Totemic Beliefs among the Altaian (Turks). *Sovetskaya Etnografiya*. 1935. No. 4–5. Pp. 134–152. (In Russ.)
- Potapov L. P. Ethnonym *Tele* and the Altaian. In: Turkological Collection 1966. Moscow: Nauka, GRVL, 1966. Pp. 233–240. (In Russ.)
- Potapov L. P. The Altaian Telös: an Ethnic Perspective. In: N. Tomilov. (ed.) Siberian Turks: Issues of Origins and Ethnic History. Collected Articles. Tomsk: Tomsk State University, 1987. Pp. 53–71. (In Russ.)
- Radnaev V. E. Mongolian Linguistics in Early-to-Mid 19th Russia: Issues of Legacy. Vol. 1. Pt. 1. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2012. 392 p. (In Russ.)
- Rashid al-Din. Compendium of Chronicles. Vol. 1. Book 1. L. Khetagurov (transl.), A. Semenov (ed., comm.), S. Tolstov (ed.). Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1952. 221 p. (In Russ.)
- Rashid al-Din. Compendium of Chronicles. Vol. 1. Book 2. O. Smirnova (transl., comm.), B. Pankratov (comm.), A. Semenova (ed.). Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1952. 316 p. (In Russ.)
- Rashid al-Din. Compendium of Chronicles. Vol. 2. Yu. Verkhovsky (transl., comm.); B. Pankratov (comm.); I. Petrushevsky, I. Orbeli (eds.). Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1960. 248 p. (In Russ.)

- Санчиров 1990 — Санчиров В. П. «Илэт-хэл шастир» как источник по истории ойратов. М.: Наука, ГРВЛ, 1990. 137 с.
- Селютина 2020 — Селютина И. Я. Фонетические аспекты тюрко-монгольских языковых контактов // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2020. Т. 19. № 9. С. 31–42. DOI: 10.25205/1818-7919-2020-19-9-31-42
- Тепкеев 2014 — Тепкеев В. Т. Калмыки в Северном Прикаспии во второй трети XVII века: проблемы политических взаимоотношений. Элиста: Джангар, 2014. 448 с.
- Уметбаев 2009 — Уметбаев Т. Ш. Тюркские этнополитические общности в Джунгарском ханстве в XVII–XVIII вв.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Томск, 2009. 27 с.
- Цюрюмов 2007 — Цюрюмов А. В. К вопросу об этническом составе торгутских улусов в 1770-е годы // Проблемы этногенеза и этнической культуры тюрко-монгольских народов: сб. науч. тр. Элиста: Калм. гос. ун-т, 2007. С. 62–67.
- Шара түджи 1957 — Шара түджи. Монгольская летопись XVII века / сводный текст, пер., введ. и примеч. Н. П. Шастиной. М.; Л.: АН СССР, 1957. 198, [1] с.
- Шастина 1971 — Шастина Н. П. Повесть о споре мальчика-сироты с девятым витязем Чингиса // Страны и народы Востока. Выпуск XI. Страны и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Азии. География, этнография, история. М.: Наука, ГРВЛ, 1971. С. 127–139.
- Эрдэнийн товч 2006 — Саган Сэцэн. Эрдэнийн товч / сонгомол эх бэлтгэж, хөрвүүлэг, тайлбар зүүлт хийсэн М. Баярсайхан; эрхлэн хэвлүүлсэн А. Цанжид. Улаанбаатар: Соёмбо, 2006. 366 х.
- Atwood 2004 — Atwood Ch. P. Encyclopedia of Mongolia and the Mongol Empire. New York: Facts on File, 2004. 678 p.
- Sanchirov V. P. Iletkhel Shastir as a Source on Oirat History. Moscow: Nauka, GRVL, 1990. 137 p. (In Russ.)
- Selyutina I. Ya. Phonetic Aspects of the Turkic-Mongolian Language Contacts. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2020. Vol. 19. No. 9: Philology. Pp. 31–42. (In Russ.). DOI: 10.25205/1818-7919-2020-19-9-31-42
- Tepkeev V. T. Kalmyks in the North Caspian, 1630s–1670s: Problems of Political Relations. Elista: Dzhangar, 2014. 448 p. (In Russ.)
- Umetbayev T. Sh. Turkic Ethnopolitical Communities in the Dzungar Khanate, 17th–18th Centuries. Cand. Sc. (History) thesis abstract. Tomsk, 2009. 27 p. (In Russ.)
- Tsyuryumov A. V. More on Ethnic Structure of Torghut Uluses in the 1770s. In: Problems of Mongol Ethnogenesis and Ethnic Culture. Collected Scholarly Papers. Elista: Kalmyk State University, 2007. Pp. 62–67. (In Russ.)
- Sira Tuuyiji: A Seventeenth-Century Mongolian Chronicle. N. Shastina (transl., foreword, etc.). Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1957. 198 (1) p. (In Mong. and Russ.)
- Shastina N. P. Narrative of an Argument between an Orphan Boy and Genghis Khan's Nine Heroes. In: Countries and Peoples of the East. Vol. 11: Countries and Peoples of Central, East and Southeast Asia. Geography, Ethnography, History. Moscow: Nauka, GRVL, 1971. Pp. 127–139. (In Russ.)
- Sagang Sechen. Erdeniin Tobchi. M. Bayarsaikhan (translit., comm.), A. Tsanjid (ed.). Ulaanbaatar: Soyombo, 2006. 366 p. (In Mong.)
- Atwood Ch. P. Encyclopedia of Mongolia and the Mongol Empire. New York: Facts on File, 2004. 678 p. (In Eng.)

- Cleaves 1982 — Yüan-ch'ao pi-shih. The secret history of the Mongols / transl. and ed. by F. W. Cleaves. Cambridge; London: Harvard University Press, 1982. LXV, 277 p.
- Cooke Johnson 2011 — Cooke Johnson L. Women of the Conquest Dynasties: Gender and Identity in Liao and Jin China. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2011. XXXIII, 254 p.
- Geschichte der Ost-Mongolen 1829 — Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Fürstenhauses, verfasst von Ssanang Ssetsen Chungtaidschi der Ordus: aus dem Mongolischen übersetzt, und mit dem Originaltext, nebst Anmerkungen, Erläuterungen und Citaten aus andern unedirten Originalwerken herausgegeben von Issac Jacob Schmidt: Auf Allerhöchsten Befehl. St. Petersburg: N. Gretschen; Leipzig: C. Cnobloch, 1829. XXIV, 509 S., 1 Bl.
- Hope 2017 — Hope M. ‘The pillars of state:’ Some notes on the qarachu begs and the kešikten in the Īl-Khānate (1256–1335) // Journal of the Royal Asiatic Society. 2017. Vol. XXVII. No. 2. Pp. 181–199.
- Mote 2000 — Mote F. W. Imperial China, 900–1800. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 2000. XIX, 1106 p.
- Serruys 1965 — Serruys H. Istoriya Džungarskogo Xanstva (History of the Džungar Empire) by I. Y. Zlatkin // Journal of the American Oriental Society. 1965. Vol. 85. No. 2. Pp. 224–227.
- Cleaves F. W. (ed.) Yüan-ch'ao pi-shih. The Secret History of the Mongols. F. W. Cleaves (transl.). Cambridge, London: Harvard University Press, 1982. LXV, 277 p. (In Eng.)
- Cooke Johnson L. Women of the Conquest Dynasties: Gender and Identity in Liao and Jin China. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2011. XXXIII, 254 p. (In Eng.)
- Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Fürstenhauses, Verfasst von Ssanang Ssetsen Chungtaidschi der Ordus: aus dem Mongolischen übersetzt, und mit dem Originaltext, nebst Anmerkungen, Erläuterungen und Citaten aus andern unedirten Originalwerken herausgegeben von Issac Jacob Schmidt: auf Allerhöchsten Befehl. St. Petersburg: N. Gretschen; Leipzig: C. Cnobloch, 1829. XXIV, 509 p. (In Germ.)
- Hope M. “The pillars of state:” Some Notes on the *Qarachu* begs and the *kešikten* in the Īl-Khānate (1256–1335). *Journal of the Royal Asiatic Society*. 2017. Vol. 27. No. 2. Pp. 181–199. (In Eng.)
- Mote F. W. Imperial China, 900–1800. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 2000. XIX, 1106 p. (In Eng.)
- Serruys H. Istoriya Džungarskogo Xanstva (History of the Džungar Empire) by I. Y. Zlatkin. *Journal of the American Oriental Society*. 1965. Vol. 85. No. 2. Pp. 224–227. (In Eng.)